

К. Д. УШИНСКІЙ.

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

БИОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.

К. Д. УШИНСКІЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

БИОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

М. Л. Песковскаго.

Съ портретомъ Ушинскаго, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ.

ЦѢНА 25 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Ю. Н. Эрлихъ, Садовая, № 9.

1893.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 3 Мая 1893 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
ВСТУПЛЕНІЕ.	5
I. ОТЦОВСКІЙ ДОМЪ И ШКОЛА.	8
Извѣстность К. Д. Ушинскаго и неразработанность литературы о немъ. — Жизнь въ домѣ родителей до и послѣ смерти матери. — Новгородъ-сѣверская гимназія; ея хорошія и неудовлетворительныя стороны. — Самостоятельная работа юнаго Ушинскаго надъ собственнымъ развитіемъ и условія, благопріятствовавшія этому.	
II. УНИВЕРСИТЕТЪ.	18
Особенность 40-хъ годовъ и состояніе въ то время Московскаго университета. — Увлеченіе учащихся и учащихся наукой; положеніе и роль Ушинскаго въ студенческой средѣ. — Наиболѣе благотворное вліяніе профессоровъ: П. Г. Рѣдкина и Грановскаго; ранняя, но прочная зрѣлость Ушинскаго въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, подъ вліяніемъ особенно благопріятныхъ условій.	
III. ПЕРВЫЯ НЕУДАЧИ ВЪ ПРАКТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ.	23
Юный Ушинскій, какъ профессоръ Демидовскаго лицея; его успѣхъ и отставка. — Департаментская служба. — Тяжелыя матеріальныя условія и начало литературной дѣятельности; разнообразный писательскій талантъ. — Благопріятный поворотъ въ жизни К. Д. Ушинскаго.	
IV. НАЧАЛО ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ УШИНСКАГО.	28
Крутой переломъ въ русскомъ обществѣ и возбужденіе вниманія въ педагогическимъ вопросамъ. — Увлеченіе Ушинскаго педагогическою дѣятельностью. — Первые русскіе педагогическіе журналы и воздѣйствіе Ушинскаго на русское общество путемъ печати. — Первый опытъ составленія книги для начальнаго обученія русскому языку.	
V. БЛЕСТЯЩІЙ УСПѢХЪ И ЖЕСТОКІЙ УДАРЪ.	33
Назначеніе К. Д. Ушинскаго инспекторомъ Смольнаго института. — Коренное преобразование института. — Педагогическій кружокъ Ушинскаго и его культурное значеніе въ дѣлѣ русскаго воспитанія и обученія вообще. — Апогей педагогической славы Ушинскаго и завистники. — Клеветническій доносъ и побѣдоносное отраженіе его. — Оставленіе Ушинскимъ должности инспектора.	

VI. НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.	43
Редактированіе К. Д. Ушинскимъ «Журнала Минист. Народ. Просвѣщенія» и причины отказа отъ редакторства.—Пребываніе за-границей; сближеніе съ Н. И. Пироговымъ.—«Педагогическая поѣздка по Швейцаріи»; значеніе его «Писемъ» для русскаго школьнаго дѣла.—«Родное слово», его особенности и значеніе.—«Педагогическая антропология», какъ трудъ единственный въ педагогической литературѣ.—Особенное вниманіе и довѣріе къ Ушинскому.	
VII. ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ ЖИЗНИ.	56
Изъятіе «Дѣтскаго Міра» изъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія.—Ушинскій, какъ полемикъ.—Переѣздъ въ Петербургъ; непосредственное вліяніе Ушинскаго на столичную педагогическую среду.—Ушинскій, какъ центръ тяготѣнія педагогической дѣятельности въ Россіи.—Столкновеніе на университетскомъ диспутѣ.—Пребываніе на югѣ Россіи и сближеніе съ народными учителями.—Послѣдній ударъ жизни.	
VIII. СМЕРТЬ И ГРОМКАЯ СЛАВА.	70
Кончина Ушинскаго.—У гроба и могилы его.—Чествованіе памяти Ушинскаго повсемѣстно въ Россіи.—Имя Ушинскаго—какъ имя народное.—Тайна замѣчательнаго успѣха Ушинскаго.—Вина русскаго общества передъ памятью Ушинскаго.—Предстоящее двадцатипятилѣтіе со дня его смерти.	

ИСТОЧНИКИ.

- 1) «Русскіе педагогическіе дѣятели». И. Острогорскаго и Д. Семцова.
- 2) «К. Д. Ушинскій», А. Фролкива.
- 3) «Историческій очеркъ столѣтней жизни Смольнаго монастыря». В. Лядова.
- 4) «К. Д. Ушинскій»—некрологъ Ю. Рехневскаго («Вѣстн. Европы», 1871 г., № 2).
- 5) «Матеріалы для біографіи К. Д. Ушинскаго». М. Чалаго («Народн. школа», 1874 г. № 4) и мног. друг.

*Собраніи в Петербургѣ
Марту 1861 г.
Воскресенскіе.*

ВСТУПЛЕНІЕ.

Въ концѣ 50-хъ годовъ у насъ, въ Россіи, какъ бы случайно, неожиданно открыли цѣлую область, почти совершенно невѣдомую раньше, или по крайней мѣрѣ не обращающую на себя должнаго вниманія. Область эта—*педагогическая*, т. е. иначе—все учебно-воспитательное дѣло. Виновникомъ такого открытія былъ Константинъ Дмитріевичъ Ушинскій.

Конечно и до 50-хъ годовъ были въ Россіи школы всевозможныхъ категорій—низшія, среднія и высшія, въ которыхъ изъ года въ годъ обучались, въ общей сложности, *десятки тысячъ мальчиковъ и девочекъ*. Но, строго говоря, въ обществѣ не ощущалось никакого интереса къ учебно-воспитательному дѣлу. Чему и какъ нужно учить подрастающія поколѣнія? Можно ли воспитывать не обучая и слѣдуетъ ли обучать не воспитывая? Въ чемъ основная задача и цѣль воспитанія? Эти и множество другихъ, существенно важныхъ, вопросовъ казались тогдашнему русскому обществу такимъ же стороннимъ, далекимъ и чуждымъ дѣломъ, какъ и все то, что творилось въ канцеляріяхъ, управленіяхъ, консисторіяхъ и проч.

Въ то время въ Западной Европѣ педагогика имѣла уже значительное развитіе, представляя собою достаточно оформившуюся спеціальность, занимавшую самостоятельное и почетное мѣсто въ ряду другихъ спеціальностей. Въ организаціи учебно-воспитательнаго дѣла, въ установленіи учебныхъ курсовъ, программъ, плановъ преподаванія и въ выполненіи ихъ, а также въ инструкціяхъ и правилахъ, касающихся собственно воспитанія,—признавалось обязательнымъ сообразоваться не съ одними только правительственными желаніями, предположеніями и предначертаніями, но также и съ тѣми требованіями, какія предъявлялись педагогіею, какъ самостоятельною, спеціальною отраслью знанія, пользовавшеюся авторитетомъ наравнѣ съ высшими науками.

Совсѣмъ иное было въ Россіи въ указанную эпоху. Въ одномъ и томъ же вѣдомствѣ невозможно было найти двухъ такихъ заведеній, преслѣдующихъ совершенно тождественныя цѣли, которыя походили бы другъ на друга по способу выполненія учебныхъ программъ и воспитательнымъ приѣмамъ. Даже въ одномъ и томъ же заведеніи едва ли можно было встрѣтить двухъ лицъ педагогическаго персонала, согласныхъ между собою относительно способовъ обученія, а также и другихъ частныхъ учебно-воспитательнаго дѣла.

Такая разладица и рознь объясняются отсутствіемъ въ ту пору даже понятія о томъ, что въ учебно-воспитательномъ дѣлѣ, въ какихъ бы разнообразныхъ формахъ оно ни проявлялось, долженъ быть одинъ обязательный для всѣхъ критеріумъ—психологическая сторона учащихся, съ которою необходимо сообразоваться и при установленіи учебнаго курса и плана cadaго предмета, и въ способѣ преподаванія, и въ воздѣйствіи на умственные способности и нравственное чувство учащихся. вмѣсто спеціальной педагогической подготовки, признавалось достаточнымъ личнаго опыта, навыка учащихся, безъ всякой руководящей идеи въ отвѣтственномъ дѣлѣ воспитанія и обученія,—безъ знакомства съ основами этого дѣла.

Не отрицая, что и въ указанную эпоху, въ видѣ исключенія, встрѣчались между дѣятелями по учебно-воспитательной части лица глубоко-образованныя, горячо-преданныя дѣлу и оказывавшія благотворнѣйшее вліяніе въ умственномъ и нравственномъ отношеніи на воспитываемыя ими поколѣнія,—въ общемъ однако все наше учебно-воспитательное дѣло представляло анахронизмъ. Учебныя программы и руководства отличались безсодержательнѣйшей схоластикой. Прохожденіе программъ держалось на зубристикѣ. Въ обращеніи съ учащимися царил жестокоств. Время ученія было временемъ безутѣшнаго горя для дѣтей, особенно же въ младшихъ классахъ.

К. Д. Ушинскій длиннымъ рядомъ горячихъ, дѣльныхъ статей, помѣщенныхъ имъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, заставилъ всю русскую печать обратить серьезное вниманіе на положеніе родного нашего учебно-воспитательнаго дѣла. Въ обществѣ проснулся наконецъ хоть нѣкоторый интересъ къ нему,—и въ этомъ страшно-застоявшемся дѣлѣ проявилась живая струя.

Такъ произошло открытіе невѣдомой раньше у насъ педагогической области. Открывъ ее, К. Д. Ушинскій около 15-ти лѣтъ руководилъ и самую разработкою этой области. Въ это именно время и были посѣяны на Руси всѣ тѣ здравыя понятія, которыми до сихъ поръ живетъ и держится вся наша учебно-воспитательная часть, продолжая, хоть и очень медленно, развиваться.

Прошло уже болѣе двадцати лѣтъ со времени смерти Ушинскаго. За это время произошли довольно существенныя измѣненія въ «живой струѣ» — и въ степени энергіи ея, и въ направленіи. Въмѣсто цѣльнаго, мощнаго потока, — какъ можно назвать педагогическое движеніе въ Россіи, пока жилъ Ушинскій и въ первые годы послѣ его смерти, — мы видимъ множество мелкихъ руслъ, не всегда даже согласующихся въ своемъ направленіи съ основнымъ потокомъ. Но въ общемъ однако движеніе не прекращается.

О характерѣ же этого движенія съ наибольшей правильностью можно судить по нашей довольно обширной педагогической литературѣ, сущность которой такова, что въ отношеніи къ ней съ полнымъ правомъ можно повторить слѣдующія слова извѣстнаго нѣмецкаго педагога Дистервега, сказаннымъ имъ болѣе 40 лѣтъ тому назадъ:

«Посмотрите на болѣшую часть сочиненій, написанныхъ учителями и для учителей! Наполняется ли, согрѣвается ли чье-нибудь сердце при этомъ обзорѣ? Кто можетъ извлечь изъ него силу для своей мысли, одушевленіе для важнаго подвига? Найдеть ли кто нибудь въ нихъ дыханіе жизни, самостоятельный образъ мыслей и энергію? Переходятъ ли ихъ мнѣнія въ убѣжденія, убѣжденія въ дѣла, и вытекаютъ ли ихъ воззрѣнія изъ фактовъ? Это по большей части холодныя, безсмысленныя груды печатной бумаги, — и слогъ такой, что нечему удивляться, если люди, которые живутъ и почерпаютъ жизнь изъ свѣжихъ источниковъ живой литературы, видятъ въ учителяхъ заживо похороненныхъ людей, осужденныхъ питаться такими продуктами, которые ни для кого болѣе не пригодны».

И если въ нашихъ педагогическихъ сумеркахъ чувствуется проблескъ живой мысли, общественнаго интереса къ дѣлу воспитанія и стремленій хотя къ нѣкоторымъ улучшеніямъ въ немъ, — этимъ мы обязаны Ушинскому. Онъ изъ-за гроба продолжаетъ учить насъ и долго еще будетъ поучать.

Константинъ Дмитріевичъ безспорно принадлежитъ къ числу первоклассныхъ педагогическихъ дѣятелей не въ русскомъ только, но и въ общеевропейскомъ смыслѣ. Если заграничные педагоги почти совсѣмъ не знакомы съ дѣятельностью Ушинскаго, то именно потому, что, къ несчастію, и у насъ не настало еще время для полной, всесторонней оцѣнки значенія педагогической дѣятельности Ушинскаго, въ связи съ обстоятельствами и условіями положенія школьнаго дѣла въ Россіи, а также — и разными другими дѣлами внутренней нашей жизни.

I.

Отцовскій домъ и школа.

Извѣстность К. Д. Ушинскаго и неразработанность литературы о немъ.— Жизнь въ домѣ родителей до и послѣ смерти матери.—Новгородъ-сѣверская гимназія; ея хорошія и неудовлетворительныя стороны.—Самостоятельная работа юнаго Ушинскаго надъ собственнымъ развитіемъ и условія, благоприятовавшія этому.

Имя Константина Дмитріевича Ушинскаго хорошо извѣстно не только всей образованной Россіи, но даже и всѣмъ мало-мальски грамотнымъ русскимъ людямъ. Между тѣмъ обстоятельства жизни этого великаго русскаго дѣятеля, оказавшаго незабвенную услугу всему нашему школьному дѣлу, еще не приведены въ извѣстность съ той полнотою, какой требуетъ самый характеръ его дѣятельности и ея значеніе не только въ настоящее время, но и для отдаленныхъ русскихъ поколѣній.

До сихъ поръ, напримѣръ, остаются въ неизвѣстности замѣтки, помѣщенные Ушинскимъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, преимущественно въ газетахъ, безъ его подписи. Послѣ смерти его осталось много рукописей и корректурныхъ оттисковъ статей, не появившихся въ свѣтъ; но этотъ интересный матеріалъ еще не собранъ, не обработанъ. Точно также не собраны, не разработаны и письма покойнаго къ разнымъ выдающимся педагогическимъ дѣятелямъ русскимъ и иностраннымъ.

Это—непростительное нерадѣніе со стороны русскаго общества, такъ много обязаннаго К. Д. Ушинскому, создавшему разумную русскую школу. Чтобы загладить этотъ тяжкій грѣхъ, необходимо устроить особый музей, специально посвященный К. Д. Ушинскому. Въ немъ должны быть собраны: всѣ его руководства во всѣхъ видахъ изданія; все, что вышло изъ подъ его пера, въ видѣ оконченныхъ или неоконченныхъ статей и писемъ; все, что написано объ Ушинскомъ и появится о немъ въ печати впослѣдствіи, а также его портреты, фотографіи и проч. Съ осуществленіемъ этого полезнаго дѣла необходимо поторопиться, пока живы еще хоть нѣкоторые изъ тѣхъ, съ кѣмъ Ушинскому приходилось работать, пока не изгладились еще слѣды тѣхъ изданій, въ которыхъ онъ принималъ болѣе или менѣе дѣятельное участіе, или-же просто помѣщаль статьи, отвѣчающія интересу минуты. Конечно, такому музею лучше всего быть въ Петербургѣ, какъ мѣстѣ полнаго расцвѣта педагогической дѣятельности Ушинскаго. Началомъ для музея могло бы слу-

жить то небольшое, что имѣется въ библіотекѣ столичной училищной комисіи. Понятно, это—лишь зародышъ музея; но важно положить починъ—и за продолженіемъ остановки не будетъ. Музей Ушинскаго будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ музеемъ новѣйшей исторіи педагогическаго дѣла въ Россіи. Потребность же въ этомъ учрежденіи очень велика и на нее безъ сомнѣнія откликнутся всѣ, кому дороги судьбы родного воспитанія и обученія. Приступая къ характеристикѣ К. Д. Ушинскаго, считаемъ не лишнимъ замѣтить, что, помимо матеріаловъ, указанныхъ въ началѣ очерка, намъ помогало въ этомъ случаѣ также и нѣкоторое личное знакомство съ покойнымъ. Въ концѣ 60-хъ годовъ пишущему эти строки случалось неоднократно встрѣчаться съ Ушинскимъ въ редакціи «Голоса», у барона М. О. Косицкаго, а также и въ С.-Петербургскомъ педагогическомъ обществѣ, однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ котораго былъ Константинъ Дмитріевичъ.

Константинъ Дмитріевичъ Ушинскій происходилъ изъ малоросійскихъ дворянъ древняго рода. Отецъ его, Дмитрій Григорьевичъ, былъ человѣкъ образованный для своего времени; онъ окончилъ курсъ въ Московскомъ университетскомъ благородномъ пансіонѣ, т. е. лучшемъ по тому времени среднемъ учебномъ заведеніи въ Россіи. Сначала состоялъ въ военной службѣ и принималъ участіе въ войнѣ 1812 года. Потомъ вышелъ въ отставку, поселился въ Новгородъ-Сѣверскъ, Черниговской губерніи, и зажилъ мирной обывательской жизнью, вступивъ въ бракъ съ дочерью мѣстнаго капиталиста, урожденной Капнистъ.

Отъ этого брака, въ 1824 году, родился Константинъ Дмитріевичъ. Ласково приняла его жизнь. Ни строгихъ взысканій, ни домашнихъ дразгъ, ни нужды не испыталъ онъ въ дѣтствѣ. Не велико было состояніе его отца, заключавшееся въ сотнѣ десятинъ земли и 30-ти крѣпостныхъ; тѣмъ не менѣе онъ былъ самымъ виднымъ лицомъ среди новгородъ-сѣверскихъ дворянъ, какъ по уровню образованія, такъ и по складу домашней жизни. Объ этомъ между прочимъ, можно судить уже потому, что у него была хорошая библіотека, имъ самимъ составленная.

Усадьба Дмитрія Григорьевича примыкала къ городской чертѣ. Домъ его, устроенный на широкую барскую ногу, находился на окраинѣ города, на высокомъ берегу Десны, откуда открывалась роскошная панорама на много верстъ кругомъ. Привольно размѣщалась тамъ барская усадьба, съ ея разнообразными постройками, большимъ дворомъ и прекраснымъ фруктовымъ садомъ.

Особенно счастливо провелъ маленькій Ушинскій первыя одни-

надцать лѣтъ своего дѣтства, пока была жива его мать. О ней онъ сохранилъ на всю свою жизнь трогательно-нѣжныя воспоминаніи. Есть полное основаніе полагать, что мать сама руководила первоначальными его занятіями и съумѣла вложить при этомъ въ сына замѣчательно прочныя задатки именно воспитывающаго обученія, давъ ему прекрасное направленіе въ этомъ отношеніи, пробудивъ въ немъ любознательность и пытливость, любовь къ чтенію. Библіотека-же отца представляла широкую возможность къ этому, и любознательный мальчикъ съ малыхъ лѣтъ свободно пользовался ею. О вліяніи матери его, какъ воспитательницы, можно судить между прочимъ и по той высокой и почетной роли, которую впоследствии отводилъ Ушинскій женщинѣ вообще и матери въ особенности, какъ учительницѣ дѣтей.

Отецъ Ушинскаго, овдовѣвъ въ 1835 году, вступилъ во второй бракъ съ урожденною Гербель, сестрою генерала Гербея, управлявшаго Шостенскимъ пороховымъ заводомъ. Это еще болѣе расширило и безъ того довольно значительныя родственныя связи Дмитрія Григорьевича. Въ 1840 году онъ занялъ должность уѣзднаго судьи въ Новгородъ-Сѣверскѣ и пользовался въ мѣстномъ населеніи большимъ уваженіемъ, какъ человѣкъ умный, нелицепріятный, безкорыстный.

Какъ ни значительна была перемѣна, происшедшая въ семьѣ маленькаго Ушинскаго, она однако не отразилась на немъ неблагоприятными послѣдствіями. Вскорѣ послѣ смерти матери онъ поступилъ въ новгородъ-сѣверскую гимназію и былъ такъ удовлетворительно приготовленъ, что выдержалъ экзаменъ прямо въ третій классъ. Судя по той горячей любви, съ которою Ушинскій вспоминалъ всегда о своей семьѣ, судя по его вѣрѣ въ благотворное вліяніе на ребенка семьи, — можно съ увѣренностью сказать, что въ лицѣ мачихи онъ нашелъ друга, замѣнившаго ему мать. Тотъ идиллическій взглядъ на семью, который Ушинскій сохранилъ до смерти, несомнѣнно былъ почерпнутъ имъ въ своей родной семьѣ.

Отцовскій хуторъ и гимназія находились на противоположныхъ концахъ Новгородъ-Сѣверска; ихъ отдѣляло разстояніе не менѣе 4 версты. Но, съ первыхъ-же дней поступленія въ гимназію и до окончанія ея, Ушинскій обязательно пѣшкомъ совершалъ этотъ путь, въ сложности около 8-ми версты. Ему чрезвычайно нравилась дорога по крутому, живописному берегу Десны, черезъ громадный оврагъ, отдѣлявшій хуторъ отъ города. Отправляясь въ гимназію, онъ обыкновенно такъ торопился, что не всегда даже успѣвалъ выпить дома чаю и закусить. Наоборотъ-же, если не-

погодъ, распутица. жестокой холодъ или другія какія-либо обстоятельства удерживали его въ городѣ на нѣсколько сутокъ, — онъ до слезъ тосковалъ о своемъ хуторѣ.

Любилъ также Ушинскій и свою гимназію, любилъ товарищей. Въ III-мъ классѣ, куда поступилъ одиннадцатилѣтній Костя, какъ на подборъ были великовозрастные, притомъ преимущественно изъ среды малосостоятельной, не дворянскаго происхожденія. Это однако не помѣшало мальчику-Ушинскому сблизиться со своими товарищами, бывшими уже въ юношескомъ возрастѣ. Вскорѣ онъ такъ полюбилъ ихъ, что за удовольствіе считалъ бывать у нихъ. Если ему случалось не успѣть дома позавтракать, — онъ забѣгалъ по пути къ своимъ бѣднякамъ-товарищамъ, радушно дѣлившимъ съ нимъ свою скудную хлѣбъ-соль. Бѣдная обстановка большинства товарищей, ихъ скудный образъ жизни, ихъ воззрѣнія и привычки были своего рода новой школой для Ушинскаго. И эти уроки очень пригодились ему впослѣдствіи, въ пору студенчества.

Съ точки зрѣнія нынѣшняго педантичнаго педагогическаго шаблона, направленнаго къ тому, чтобы взвѣсить, измѣрить и высчитать каждый шагъ, каждое движеніе учащагося, — можно придти въ ужасъ отъ тѣхъ порядковъ, которые царили въ новгородъ-сѣверской гимназіи. Между тѣмъ, по тогдашнему времени, гимназія эта считалась одною изъ лучшихъ, да и въ дѣйствительности была не дурна, если судить о ней не по внѣшнимъ только признакамъ, а по окончательнымъ результатамъ гимназическаго образованія, — по тому направленію и нравственной закваскѣ, которую она давала своимъ питомцамъ.

Сначала — о внѣшней сторонѣ гимназической жизни.

Въ новгородъ-сѣверской гимназіи, когда обучался въ ней Ушинскій, не было даже намека на то, что называется воспитательной частью, воспитательнымъ дозоромъ. Интерната при гимназіи не существовало. Учащіеся, въ количествѣ около 400 человекъ, жили въ городѣ, гдѣ кто желалъ. Находясь подъ нѣкоторымъ надзоромъ въ стѣнахъ гимназіи, во время уроковъ, учащіеся внѣ гимназіи были вполне предоставлены самимъ себѣ. Это давало широкій просторъ тому, что называется «школьничаньемъ», которое принимало иногда и не совсѣмъ симпатичный характеръ.

По сосѣдству, напримѣръ, съ гимназіей былъ большой фруктовый садъ. Забираясь туда цѣлыми толпами, гимназисты производили порою въ немъ большія опустошенія. Когда-же разливались по сосѣдству съ монастыремъ большія лужи, гимназисты устраивали на нихъ цѣлыя флотиліи, сооружая плоты изъ досокъ монастырской

ограды. Словомъ, сосѣдство гимназіи съ мирной монашеской обителью было во всѣхъ отношеніяхъ неудобно для послѣдней, и монашествующей братіи частенько приходилось быть въ непріязненныхъ отношеніяхъ съ шаловливыми и свободолюбивыми школярами.

Ученики постарше и классами, и годами имѣли иного рода развлеченія. Ихъ любимымъ притономъ была слободка, находившаяся въ близкомъ сосѣдствѣ съ монастыремъ, славившаяся веселыми нравами обитателей и не особенной строгостью поведенія обитательницъ. Съ наступленіемъ-же весны и во все время, пока не замирала природа, гимназисты въ свободное время привольно разсыпались на свободѣ по окрестностямъ Новгородъ-Сѣверска, изрытымъ громадными, причудливыми рвами, гдѣ было множество ягодъ, особенно-же—земляники. Здѣсь устраивались иногда и довольно нескромныя пирушки, преподавались новичкамъ-гимназистамъ довольно-таки пагубные пріятельскіе уроки.

Все это однако не болѣе какъ шалости, довольно опаснаго пожеланія свойства, и неразумныя увлеченія молодости, не переходившія впрочемъ въ порочность. Помню, какъ послѣ одного изъ засѣданій С.-Петербургскаго педагогическаго общества, въ которомъ много говорилось о школьной дисциплинѣ, К. Д. Ушинскій, какъ-бы продолжая споръ въ небольшомъ кружкѣ лицъ, вспоминалъ приволье и свободу своей школьной поры и въ положительной формѣ заявилъ, что, за все время его ученія въ гимназіи, онъ не помнитъ чего-нибудь позорнаго, безчестнаго и преступнаго со стороны учащихся. Это объясняется съ одной стороны извѣстнаго рода традиціями въ самой средѣ учащихся, что можно и чего нельзя въ извѣстномъ возрастѣ; съ другой-же стороны — контролемъ за учащимися со стороны самаго городского общества. Пренебрегая шалостями, глядя на нихъ, какъ говорится, сквозь пальцы, мѣстное общество, точнѣе — тѣ семьи, которымъ сдавали родители своихъ дѣтей, были въ общемъ недурными дозорцами за ихъ нравственность въ серьезномъ смыслѣ слова, — умѣли сдерживать юнцовъ, если шалости грозили принять явно дурной оборотъ.

Ушинскій, сопоставляя вполнѣдствіи свою новгородъ-сѣверскую гимназію, въ которой онъ учился, со многими другими учебными заведеніями въ столицахъ и въ провинціи, такъ между прочимъ говоритъ въ одной изъ неизданныхъ еще его рукописей: «Въ иныхъ огромныхъ дѣтскихъ казармахъ, гдѣ все такъ вылакировано, вычищено, все блеститъ и сверкаетъ, все хвастливо кидается въ глаза своимъ порядкомъ, гдѣ дѣти находятся ежеминутно подъ бдительнымъ надзоромъ неусыпныхъ начальниковъ, украшенныхъ

за свою бдительность всѣми возможными отличіями, заводятся между дѣтьми тѣ же пороки, которые водились и между нами въ бѣдныхъ лачугахъ Новгородъ-Сѣверска; только эти пороки принимаютъ здѣсь еще болѣе характеръ повальныхъ болѣзней, тщательно скрываемыхъ, но не исправляемыхъ начальствомъ».

Будучи взрослымъ уже человѣкомъ и окончательно специализировавшись на учебно-воспитательной дѣятельности, Ушинскій, хорошо сознавая всѣ недостатки своей новгородъ-сѣверской гимназіи, тѣмъ не менѣе высоко ставилъ ее и уважалъ. И на то были весьма серьезные причины.

Во главѣ этой гимназіи стоялъ небезызвѣстный въ свое время въ ученomъ мѣрѣ отставной старикъ-профессоръ, Илья Федоровичъ Тимковскій. Это былъ педагогъ по призванію. Съ искренней любовью и уваженіемъ къ наукѣ онъ хранилъ въ душѣ своей истинно-юношескій жаръ и чистыя, неліцемерныя религіозныя убѣжденія. Онъ былъ безусловно первымъ лицомъ въ гимназіи не только по своему директорскому рангу и положенію, но еще болѣе по нравственному вліянію на учащихся.

Переходя отъ Библіи къ Горацию и Виргилю, отъ великопостныхъ молитвъ къ цитатамъ изъ Цицерона и Тацита, старикъ умѣлъ тѣмъ не менѣе внушить своимъ питомцамъ благоговѣнное уваженіе къ наукѣ. И учителя, и ученики, проявлявшіе особенную любовь къ наукѣ, пользовались уваженіемъ всей гимназіи, всѣхъ ея классовъ—отъ старшихъ до самыхъ младшихъ.

Въ общемъ однако гимназія не могла, даже и при лучшемъ желаніи учителей, дать своимъ питомцамъ сколько-нибудь солидныхъ знаній. Для этого не имѣлось тогда необходимыхъ средствъ, какъ-то: ни учебныхъ руководствъ и пособій, ни соотвѣтствующихъ дидактическихъ пріемовъ. Сущность гимназическаго образованія ограничивалась главнымъ образомъ нравственнымъ воздѣйствіемъ на учащихся, пробужденіемъ въ нихъ сознательной потребности самообученія, любви къ наукѣ и стремленія къ ученію. Достигалось это тѣмъ, что то немногое, которое учащіеся узнавали изъ разныхъ областей науки, усваивалось ими прочно, съ любовью и уваженіемъ,—не памятью только и холоднымъ разсудкомъ, но и сердцемъ. Въ этомъ именно и заключается одна изъ тайнъ воспитывающаго вліянія обученія, чѣмъ прославились нѣкоторыя изъ прежнихъ школъ, правда, весьма не многія, въ томъ числѣ и новгородъ-сѣверская гимназія во время управленія ею Тимковскимъ.

Ушинскій, съ горячей признательностью вспоминавшій всегда о своемъ старикъ-директорѣ Тимковскомъ, много рассказывавшій о

немъ, какъ о замѣчательномъ по своему нравственному вліанію педагогѣ, въ одномъ изъ писемъ своихъ говорятъ о немъ такъ: «Миръ праху твоему, почтенный старецъ! Твоимъ нелицемѣрнымъ, продолжавшимся до гроба служеніемъ наукъ, твоимъ благоговѣйнымъ уваженіемъ къ ней и твоею постоянною вѣрою въ другую, гораздо болѣе высшую святыню ты посѣялъ въ сердцахъ своихъ воспитанниковъ такіа сѣмена, которыя да поможетъ намъ Богъ передать своимъ дѣтямъ и воспитанникамъ».

Оцѣнивая-же общее воспитательное вліаніе и образовательное значеніе новгородъ-сѣверской гимназіи, по сравненію съ тѣми многочисленными, благоустроенными по общепринятому понятію, учебными заведеніями, съ которыми пришлось Ушинскому ознакомиться впослѣдствіи, онъ тамъ высказывается въ той-же неизданной его рукописи, на которую мы ссылались уже выше:

«Случалось мнѣ видѣть и такіа заведенія, гдѣ, несмотря на собраніе лучшихъ столичныхъ преподавателей, презрѣніе къ наукѣ было предметомъ хвастливости для воспитанниковъ; и такіа, гдѣ пятнадцати-лѣтвій мальчикъ уже видитъ за учебникомъ исторіи или географіи классъ, чинъ, мѣсто и рассчитываетъ свое прилежаніе по выгодамъ будущей службы; и такіа, гдѣ мальчики, еще плохо читающіе по-русски, уже съ математическою точностью, сдѣлавшею-бы честь любому воеводѣ передового полка, считаются чинами и породю своихъ батюшекъ, дядюшекъ и тетушекъ, и гдѣ одинъ воспитанникъ подаетъ другому руку послѣ глубокихъ соображеній. Когда мнѣ встрѣчались молодые люди, кончившіе курсъ въ какомъ-нибудь значительномъ учебномъ заведеніи, кончившіе съ отличіемъ, но у которыхъ не было не только ни одной самостоятельной научной мысли, не только ни малѣйшей любви къ какой-нибудь наукѣ, но которые презрительно отзывались о своей учебной жизни, о своихъ профессорахъ и даже вообще объ учености, ученыхъ и наукъ, какъ предметахъ необходимыхъ въ неизбѣжной комедіи дѣтства, но вовсе излишнихъ и даже неприличныхъ въ практической жизни; когда мнѣ попадались безбородые юноши, еще не совсѣмъ твердо знающіе, въ какомъ вѣкѣ жилъ Карлъ Великій, но уже кощунствующіе надъ святыней отчизны... о! тогда я оцѣнилъ по достоинству и молитвы покойнаго Ильи Федоровича, и наше уваженіе къ одамъ Горациа, и нашу любовь къ учителю исторіи, и нашу гордость своими маленькими свѣдѣніями, и почтительный страхъ, который овладѣвалъ нами при словѣ: *университетъ!* А воля, просторъ, а природа, прекрасныя окрестности городка, а эти душистые овраги и колыхающіяся поля, а розовая весна и зо-

лотистая осень — развѣ не были нашими воспитателями? Зовите меня варваромъ въ педагогикѣ, но я вынесъ изъ впечатлѣній моей жизни глубокое убѣжденіе, что прекрасный ландшафтъ имѣеть такое огромное воспитательное вліяніе на развитіе молодой души, съ которымъ трудно соперничать вліянію педагога; что день, проведенный ребенкомъ среди рощъ и полей, когда его головою овладѣваетъ какой-то упойтельный туманъ, въ теплой влагѣ котораго раскрывается все его молодое сердце для того, чтобы беззаботно и бессознательно впитывать въ себя мысли и зародыши мыслей, потокомъ льющіеся изъ природы, — что такой день стоитъ многихъ недѣль, проведенныхъ на учебной скамьѣ. Толстыя каменные стѣны учебныхъ заведеній большихъ городовъ, дѣтскія кровати, поставленныя необозримыми рядами, жизнь по колокольчику или барабану, толстый швейцаръ у дверей, этотъ неумолимый церберъ дѣтскаго ада, вокругъ камень и желѣзо, желѣзо и камень, не только безъ малѣйшаго обрывка зелени, но даже безъ куска земли, наверху — кусокъ вѣчно закрытаго неба, внутри — то гробовое молчаніе, то оффиціальныи гуль, въ которомъ исчезаетъ всякая личность, повсюду сердитые аргусовскіе глаза купленнаго надзора, повсюду форма и чинность, вѣчная чистка и лакировка, — все это вѣдетъ на меня какой-то безвыходной тоской, какой-то мучительной безмыслицей; л-бы, кажется, не прожилъ и мѣсяца такую жизнью».

Короче сказать, дѣтство и юность Ушинскаго прошли при условіяхъ, благопріятствовавшихъ свободному, разностороннему развитію душевныхъ его силъ. Захолустная новгородъ-сѣверская гимназія, въ который онъ учился, съ ея привольемъ и свободой — этими великими двигателями воспитанія, — какъ нельзя болѣе способствовала упорченію и развитію здоровыхъ задатковъ первоначальнаго его домашняго воспитанія.

Не отличаясь особеннымъ прилежаніемъ и блестящими успѣхами въ гимназическихъ предметахъ, Ушинскій однако зналъ все то, что проходило въ гимназій, и успѣшно переходилъ изъ класса въ классъ. Обладая большими способностями, онъ слишкомъ мало тратилъ времени на приготовленіе уроковъ, нерѣдко просто довольствовался прочтеніемъ заданнаго въ классѣ уже, передъ урокомъ. Все-же свободное время посвящалъ чтенію и прогулкамъ.

Помимо директора гимназіи, Тимковскаго, немаловажное вліяніе имѣлъ на развитіе Ушинскаго также и учитель исторіи, пользовавшійся большимъ уваженіемъ учащихся. Читая безъ разбора все, что подвертывалось подъ руку въ отцовской и гимназической бібліотекѣ, юный Ушинскій тѣмъ не менѣе, какъ-бы незамѣтно

даже для самого себя, удѣлялъ больше вниманія сочиненіямъ историческаго характера и путешествіямъ. Безпрерывное чтеніе вызывало у него усиленную душевную работу, такъ что съ годами онъ началъ замѣтно уединяться, совершая отдаленныя прогулки, или шагая изъ угла въ уголь въ гимназій, погруженный въ размышленія. Объ этихъ моментахъ уединенія, главнымъ образомъ на лонѣ природы, на любимыхъ кручахъ берега Десны, Ушинскій между прочимъ самъ говорить:

«Боже мой, сколько перемечталось на этомъ прекрасномъ берегу, на этихъ «кручахъ», нависшихъ надъ рѣкою. Какъ оживлялась и наполнялась впечатлѣніями жизнь моя, когда приближалась весна! Я слѣдилъ за каждымъ ея шагомъ, за каждой малѣйшей перемѣной въ борьбѣ зимы и лѣта. Тающій снѣгъ, чернѣющій ледъ рѣки, расширяющіяся полыньи у берега, проталины въ саду, земля, проглядывающая тамъ и сямъ изъ подъ снѣга, прилетѣть птицъ, оживающій лѣсъ, шумно бѣгушіе съ горъ ручьи—все было предметомъ моего страстнаго, недремлющаго вниманія, и «впечатлѣнія бытія» до того переполняли мою душу, что я ходилъ, какъ полупьяный. Вотъ и снѣгу нѣтъ болѣе, и непрятная нагота деревьевъ въ саду замѣнилась со всѣхъ сторонъ манящими, таинственными зелеными глубинами; вотъ и вишни брызнули молокомъ цвѣтовъ, зарозовѣли яблони, каштанъ поднялъ и распустилъ свои красивые султаны, и я бѣжалъ каждый разъ изъ гимназій домой, какъ будто меня ждало тамъ и невѣсть какое сокровище. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ я не былъ страшнымъ богачомъ, милліонеромъ, въ сравненіи съ дѣтьми, запертыми въ душныхъ стѣнахъ столичнаго пансіона. Какія впечатлѣнія могутъ быть даны имъ взамѣнъ этихъ живыхъ, сильныхъ, воспитывающихъ душу впечатлѣній природы? Послѣ уже будетъ поздно пользоваться ими, когда сердце утратитъ свою дѣтскую мягкость, а разумъ станетъ между человѣкомъ и природой».

Основываясь преимущественно на этихъ словахъ Ушинскаго, нѣкоторые изъ его біографовъ приписываютъ ему особенную склонность къ мечтательности и безпечность въ пору гимназической жизни. Но это совершенно невѣрно.

Мечтательность расслабляетъ душевныя силы, истощаетъ ихъ, развиваетъ апатію и лѣнь. Ушинскій-же былъ всегда дѣятеленъ, подвиженъ, даже въ отроческомъ и дѣтскомъ возрастѣ. Каждый повиненъ въ мечтаніяхъ въ пору перваго расцвѣта юности. Отдалъ имъ дань конечно и Ушинскій, но именно въ смыслѣ поэтической восторженности и идеализаціи,—что составляетъ лучшее украшеніе юности и безъ чего юность хуже старости.

Хотя онъ и говоритъ, что ему много пришлось «перемечтать» на кручахъ завѣтнаго берега Десны, подъ вліяніемъ восхитительныхъ красотъ природы, но въ сущности это были совсѣмъ не мечты въ общепринятомъ смыслѣ, а живая, полезная, производительная работа юной души, только-что начинавшей формироваться мысли. Крайне воспріимчивый къ впечатлѣніямъ окружающей природы, жадно искавшій новаго и новаго въ чтеніи, онъ все это самостоятельно перерабатывалъ въ себѣ самомъ, безъ всякихъ постороннихъ указаній и руководства, вырабатывая нѣчто свое, что можно до нѣкоторой степени назвать *міровоззрѣніемъ*. Несомнѣнно, что въ немъ было много ошибочнаго, дѣтскаго, но во всякомъ случаѣ это была не праздная мечта и соблазнительная греза, а положительная, производительная работа молодого ума, юной души, — полезная гимнастика душевныхъ силъ. Чуждая мечтательности въ общепринятомъ значеніи этого слова, самодѣятельность юнаго Ушинскаго, наоборотъ, была проникнута самымъ чистымъ и возвышеннымъ идеализмомъ, уцѣлѣвшимъ въ немъ во всю послѣдующую жизнь.

Эта самостоятельная духовная жизнь Ушинскаго шла, можно сказать, совершенно особнякомъ отъ собственно гимназической работы. Но это объясняется вовсе не безпечностью его къ гимназическимъ занятіямъ, а сильнымъ увлеченіемъ самостоятельной работой надъ собственнымъ развитіемъ. Прохожденіе впослѣдствіи университетскаго курса доказало, что работа эта была удачна. Насколько-же она была упорна, можно судить между прочимъ по слѣдующему факту. Желая расширить сферу доступнаго ему чтенія, Ушинскій, будучи еще гимназистомъ, настолько изучилъ, безъ посторонней помощи, нѣмецкій языкъ, что сталъ читать Шиллера. Это свидѣтельствуетъ о любви къ труду и умѣнью быть упорнымъ въ немъ.

Въ своемъ увлеченіи самостоятельной работой надъ самимъ собою Ушинскій зашелъ однако такъ далеко, что, несмотря даже на блестящія способности, не выдержалъ выпускнаго гимназическаго экзамена и не получилъ аттестата. Но гимназія, обдѣлившая его аттестатомъ, снабдила кой-чѣмъ по важнѣе всякихъ аттестатовъ. Она дала ему истинную зрѣлость ума и воли, сберегла его энергію и силы, развила въ немъ вѣру въ самого себя, любовь и способность преодолевать препятствія. Обладая такими задатками, вообще очень важными въ жизни и тѣмъ болѣе при неудачахъ, юный Ушинскій нисколько не растерялся, получивъ первый шлепокъ на порогѣ выхода изъ школы въ жизнь. Онъ съ жаромъ принялся за приготовленіе къ вступительному университетскому экзамену, отправился въ Москву, успѣшно выдержалъ экзаменъ и въ 1840 году, т. е.

одновременно съ бывшими своими гимназическими товарищами, былъ зачисленъ въ число студентовъ Московскаго университета, по юридическому факультету.

II.

Университетъ.

Особенность 40-хъ годовъ и состояніе въ то время Московскаго университета. — Увлеченіе учащихся и учащихся наукой; положеніе и роль Ушинскаго въ студенческой средѣ. — Наиболѣе благотворное вліяніе профессоровъ: П. Г. Рѣдвина и Грановскаго; ранняя, но прочная зрѣлость Ушинскаго въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, подъ вліяніемъ особенно благоприятныхъ условий.

Прохожденіе Ушинскимъ университетскаго курса совпало съ однимъ изъ наиболѣе благоприятныхъ моментовъ умственнаго движенія въ Россіи. Начало 40-хъ годовъ — время перваго пробужденія политическаго сознанія по крайней мѣрѣ въ передовой части русскаго общества. Съ началомъ-же 40-хъ годовъ совпадаетъ большой переворотъ въ нашей литературѣ: съ этого момента ведетъ свое начало новѣйшая русская литература. Въ печати и передовыхъ общественныхъ кружкахъ забилась лихорадочная потребность въ философско-научномъ анализѣ. Подъ вліяніемъ этого, началась весьма энергическая переработка всѣхъ идеаловъ, проявилось сильное стремленіе отрѣшиться отъ тѣхъ безформенныхъ романтическихъ иллюзій, которыми жили во время 30-хъ годовъ. Обнаружилось горячее, искреннее проникновеніе идеями народнаго блага; началось раскаяніе въ вѣковыхъ неправдахъ, лежавшихъ на совѣсти русскыхъ людей. Все это движеніе можно охарактеризовать однимъ словомъ — *народность*. Въмѣсто прежнихъ метафизическихъ потемокъ и романтическихъ мечтаній, печать и общество преисполнились заботы и думы о «народѣ», «народномъ благѣ», «народныхъ идеалахъ». Со страницъ русской печати впервые пахнуло здоровымъ реализмомъ, отраженіемъ потребностей и нуждъ русской жизни.

Въ такую знаменательную эпоху пробужденія русскаго общественнаго самосознанія выпало на долю Ушинскаго проходить университетскій курсъ. Съ истиннымъ благоговѣніемъ вспоминалъ онъ всегда объ университетскихъ годахъ, какъ о лучшей порѣ въ своей жизни, какъ о моментѣ духовнаго своего нарожденія.

Да и было что вспоминать, было за что хранить признательность. Московскій университетъ въ ту пору переживалъ, можно ска-

затѣ, самый блестящій періодъ въ своей исторіи. Послѣ измѣненія университетскаго устава въ 30-хъ годахъ, составъ профессоровъ Московскаго университета, при энергическомъ содѣйствіи мѣстнаго попечителя учебнаго округа, графа С. Г. Строганова, былъ почти совершенно обновленъ, если не считать нѣсколькихъ старичковъ-профессоровъ, привыкшихъ читать по печатнымъ книгамъ, которымъ позволили дотянуть до пещи. Большая-же часть профессоровъ были люди молодые, воспитанники бывшаго профессорскаго института, недавно возвратившіеся изъ за-границы (преимущественно изъ Германіи) съ большимъ запасомъ знаній и прочной философской закваской, съ горячей преданностью наукѣ и твердой вѣрой, что счастье на землѣ можетъ водворить лишь такой универсальный двигатель, какъ наука.

Въ блестящемъ составѣ профессоровъ Московскаго университета той поры звѣздами первой величины были: Грановскій, профессоръ исторіи, и П. Г. Рѣдкинъ, профессоръ энциклопедіи, законовѣдѣнія и государственнаго права. На ихъ лекціи стекались обыкновенно студенты всѣхъ факультетовъ, не исключая даже математическаго и медицинскаго, гдѣ учащіеся наиболѣе бывають увлечены своею спеціальностью.

Грановскій и Рѣдкинъ очень удачно пополняли другъ друга. Первый, отличавшійся большимъ мастерствомъ чтенія, дѣйствовалъ преимущественно на чувство слушателей, вызывая въ нихъ живой интересъ къ исторіи, но не пробуждая однако особенно усиленной работы ума. Второй-же, наоборотъ, не отличался особеннымъ лекторскимъ дарованіемъ, но увлекалъ слушателей обширностью и глубиной эрудиціи, неумолимою логикой. Слушаніе его лекцій вызывало усиленную работу мысли.

Лекціи П. Г. Рѣдкина кромѣ того имѣли въ то время очень важное значеніе и съ точки зрѣнія общаго университетскаго образованія. Большую часть своего курса онъ посвящалъ критическому очерку исторіи философіи, безъ знанія которой, понятно, университетское образованіе не можетъ имѣть должной глубины, не можетъ быть научно въ полномъ смыслѣ слова. Такая постановка преподаванія была тѣмъ болѣе кстати, что въ университетѣ въ то время вовсе не преподавалось философіи; даже логика и психологія, неудачно пристегнутыя къ курсу богословія, слишкомъ поверхностно преподавались законоучителемъ. Такимъ образомъ лекціи Рѣдкина были для студентовъ единственнымъ средствомъ расширить и обобщить свое міровоззрѣніе на философскихъ основаніяхъ. Помимо Грановскаго и Рѣдкина, большою популярностью среди студентовъ

пользовались также лекціи Чивилева, оффиціально считавшагося профессоромъ статистики, но преподававшего однако политическую экономію, и лекціи профессора Крылова— по римскому праву.

Принявъ во вниманіе общее движеніе въ Россіи и пробужденіе русской общественной мысли, не трудно понять, какъ сильно долженъ былъ завладѣвать молодежью университетъ, особенно-же при такомъ удачномъ подборѣ профессоровъ, какъ въ Московскомъ университетѣ. Вообще говоря, юношество, переступая въ то время порогъ университета, всецѣло и беззавѣтно отдавалось чистымъ интересамъ науки, съ тѣмъ благороднымъ, возвышеннымъ идеализмомъ, который такъ выгодно отличаетъ эпоху 40-хъ годовъ отъ всего послѣдующаго времени.

Такое благотворное, истинно-научное вліяніе университета очень характерно отразилось на юномъ Ушинскомъ. Та своеобразная система самообразованія, которую онъ продѣлалъ надъ собою въ гимназій, та гимнастика ума, къ которой онъ приучилъ себя,— оказались какъ нельзя болѣе полезными во время университетскаго курса. И съ первыхъ же прослушанныхъ имъ лекцій, послѣ первыхъ дней пребыванія въ университетѣ, онъ развернулся во всю ширь своей богато и разносторонне одаренной природы.

Какъ юноша хорошо развитой, онъ свободно, безъ всякаго затрудненія, слушалъ лекціи по всеѣмъ предметамъ избраннаго имъ факультета. Обладая обширною памятью, онъ легко усваивалъ не только основную мысль лекцій, но и все главнѣйшія частности. Это на первыхъ же порахъ рѣзко выдвинуло Ушинскаго и сдѣлало его до нѣкоторой степени предметомъ удивленія со стороны товарищей.

Къ лекціямъ Ушинскій относился съ большимъ увлеченіемъ. Онъ сразу почувалъ въ нихъ разумные, доказательные, научные отвѣты на все тѣ затаенные вопросы, которые давно уже тѣснились въ его пытливомъ юношескомъ умѣ, угнетали его духъ, настойчиво требуя разрѣшенія. Никогда не оставаясь въ роли пассивнаго слушателя лекцій, Ушинскій обыкновенно выходилъ изъ аудиторіи съ массою новыхъ ощущеній, удовлетворенный или неудовлетворенный прослушаннымъ, съ новыми вопросами и мѣткими замѣчаніями по поводу прослушаннаго. Нерѣдко послѣ лекціи по тому или другому предмету ему случалось развивать своимъ товарищамъ цѣлую теорію, которой имъ не удалось усвоить въ профессорскомъ изложеніи.

Это естественно сдѣлало его центромъ кружка товарищей, также горячо интересовавшихся наукой, какъ и онъ. Въ этой средѣ онъ пользовался большою любовью не только за умъ, остроуту, пря-

мой, открытый характеръ, но и какъ идеально хорошій товарищъ. Придерживаясь преимущественно бѣдной среды товарищей, какъ наиболѣе преданныхъ интересамъ науки, онъ охотно дѣлился съ ними не только своими знаніями, но и послѣднимъ рублемъ, послѣдней трубкой табаку.

Въ то время не было развито изданіе профессорскихъ лекцій въ видѣ литографированныхъ записокъ. Вслѣдствіе этого, хотя университетскій курсъ въ общемъ былъ меньше нынѣшняго, но студентамъ несравненно больше, чѣмъ теперь, приходилось самостоятельно работать. Благодаря этому, подъемъ научнаго интереса въ студенческой средѣ былъ очень высокъ. Это само собою порождало потребность въ живомъ обмѣнѣ мыслями по вопросамъ политическимъ, литературнымъ, нравственнымъ, философскимъ, историческимъ и проч. Поэтому сплоченность, солидарность студенческой среды была очень велика.

Въ Москвѣ въ ту пору образовалось даже нѣчто вродѣ студенческаго клуба. Это—небольшой трактиръ «Великобританія», находившійся по близости университета. Благодаря главнымъ образомъ вліянію Вѣлинскаго, а также и нѣкоторыхъ другихъ крупнѣйшихъ литературныхъ дѣятелей того времени, этотъ эмбрионъ клуба получилъ, можно сказать, историко-литературное значеніе умственного центра московскаго студенчества 40-хъ годовъ. Студентъ Ушинскій былъ очень замѣтною величиною въ этой общестуденческой семьѣ. Его мѣткія замѣчанія обо всемъ, что волновало учащуюся молодежь, облетали нерѣдко весь университетъ. Со свойственною ему прямою и рѣзкою, Ушинскій одинаково порицалъ и тѣхъ профессоровъ, и тѣхъ студентовъ, которые въ чемъ-либо отклонялись отъ высокихъ нравственныхъ идеаловъ, вдохновлявшихъ тогда университетскую молодежь.

Вообще Ушинскій выгодно выдѣлялся въ студенческой средѣ самостоятельностью, независимостью своихъ воззрѣній, смѣлостью открыто высказывать мнѣнія, идущія въ разрѣзъ съ господствующими взглядами. Такъ напримѣръ, въ противность весьма распространенному въ то время поклоненію передъ Наполеономъ I и Вольтеромъ, Ушинскій не стѣснялся порицать того и другого. Будучи убѣжденнымъ приверженцемъ свободы, видя въ ней величайшее благо для человѣчества, Ушинскій порицалъ Наполеона I за его посягательство на политическую свободу, Вольтера же—за его вторженіе въ область свободы совѣсти. Такое воззрѣніе на этихъ двухъ великихъ историческихъ дѣятелей Ушинскій сохранилъ во всю свою жизнь.

Съ особенною благодарностію вспоминалъ Ушинскій о П. Г. Рѣдкинѣ и Грановскомъ, подъ вліяніемъ талантливыхъ лекцій которыхъ онъ увлекся философіей и исторіей, весьма солидно изученными имъ на студенческой скамьѣ.

Ушинскому, въ бытность его студентомъ, приходилось работать очень много. Помимо увлеченія наукою и добросовѣстнаго отношенія къ университетскимъ занятіямъ, ему нужно было еще бороться съ нуждою. Втеченіи почти всего университетскаго курса онъ вынужденъ былъ давать частные уроки. Состояніе его родителей съ каждымъ годомъ падало; деньги высылали изъ дому несправно и, въ общемъ, ихъ было недостаточно даже для самаго скромнаго существованія въ университетѣ.

Трудовое, независимое существованіе прибавило энергіи юному Ушинскому и служило прекрасной школой для воспитанія въ немъ твердой воли. Борьба-же съ нуждою нисколько не ослабила его розоваго поэтическаго настроенія. Серьезно занимаясь наукою, онъ не забросилъ и художественной литературы. Рука-объ-руку съ наукою шло основательное чтеніе любимыхъ его русскихъ и иностранныхъ писателей, какъ-то: Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Гете, Гофмана, Жана-Поля Рихтера и нѣкоторыхъ другихъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Ушинскій страстно увлекался также и театромъ, посѣщеніе котораго считалъ даже обязательнымъ для себя. Изъ своего скромнаго студенческаго бюджета онъ ежемѣсячно отдѣлялъ извѣстную сумму на театръ, причѣмъ конечно ему могли быть доступны только самыя верхнія мѣста.

Московскій театръ того времени привлекалъ къ себѣ всеобщее вниманіе. Это была пора полнаго расцвѣта талантовъ такихъ даровитыхъ артистовъ, какъ Мочаловъ и Щепкинъ, приводившихъ своею правдивою, обдуманною, прочувствованною игрою въ благоговѣйный трепетъ зрителей. Увлеченіе Ушинскаго ихъ замѣчательною игрою не ограничивалось однимъ созерцаніемъ ея и восхищеніемъ ею, но было несравненно глубже. Подъ вліяніемъ главнымъ образомъ игры Мочалова, онъ написалъ, спеціально для его бенефиса, шести-актную трагедію. Явившись къ Мочалову, онъ прочиталъ ему нѣсколько дѣйствій изъ своей трагедіи. Но тотъ не призналъ въ ней никакихъ достоинствъ. Ушинскій, чрезвычайно огорченный этимъ приговоромъ, даже какъ бы разочаровавшись на нѣкоторое время въ Мочаловѣ, тѣмъ не менѣе подчинился его суду и не предпринималъ никакихъ попытокъ, чтобы поставить свое произведеніе на сцену. Повидимому онъ безслѣдно уничтожилъ свою трагедію и впоследствии вспоминалъ о ней не иначе, какъ въ ироническомъ тонѣ.

Но каково-бы ни было это его литературное произведеніе, проявленіе писательской жилки въ юномъ Ушинскомъ очень характерно, потому что все остальное свое жизненное поприще онъ прошелъ съ перомъ въ рукахъ, занимая очень видное мѣсто въ передовой линіи лучшихъ литературныхъ русскихъ силъ.

Подъ такими разнообразными и весьма благотворными вліяніями прошло студенчество Ушинскаго. Въ 1844 году, къ двадцати годамъ жизни, онъ блестяще окончилъ университетъ, вторымъ кандидатомъ правъ. Въ наше время большинству подростающихъ поколѣній приходится въ такомъ возрастѣ едва-едва добираться до аттестата зрѣлости. Ушинскій-же, несмотря на юный возрастъ, представлялъ собою выработавшуюся, замѣчательно цѣльную личность, удачно сформировавшуюся подъ вліяніемъ благопріятныхъ условій дѣтства и школы, и тѣмъ болѣе — университетской науки, разумнаго товарищества, возвышающей душу поэзіи и воспитывающего театра.

III.

Первыя неудачи въ практической жизни.

Юный Ушинскій, какъ профессоръ Демидовскаго лиція; его успѣхъ и отставка. — Департаментская служба. — Тяжелыя матеріальныя условія и начало литературной дѣятельности; разнообразный писательскій талантъ. — Благопріятный поворотъ въ жизни К. Д. Ушинскаго.

Несмотря на юношескій возрастъ Ушинскаго, юридическій факультетъ Московскаго университета такъ блестяще аттестовалъ своего «второго кандидата» въ смыслѣ умственной и нравственной зрѣлости, что бывший въ то время попечителемъ московскаго учебнаго округа графъ С. Г. Строгановъ не задумался пригласить Ушинскаго на профессорскую кафедру въ Ярославскій Демидовскій лицей. Черезъ два года по окончаніи университетскаго курса, т. е. имѣя отъ роду лишь около двадцати двухъ лѣтъ, Ушинскій занялъ въ лицей, преобразовывавшемся тогда въ высшее камеральное училище, кафедру по энциклопедіи законовѣдѣнія, исторіи законодательства и финансовой наукѣ.

Со вѣтмъ пыломъ чистой юношеской души предался юный профессоръ чтенію лекцій, къ чему почувствовалъ страстное влеченіе. Добросовѣстно готовясь къ лекціямъ, онъ мастерски излагалъ ихъ — ясно, съ жаромъ, увлекательно. Вскорѣ онъ занялъ одно изъ нац-

болѣе почетныхъ мѣсть среди другихъ профессоровъ Ярославскаго лица, какъ даровитый лекторъ, вполне владѣвшій предметомъ, и пользовался большимъ расположеніемъ и уваженіемъ учащихъ, оказывая сильное и благотворное вліяніе на нихъ.

Помимо лекцій, популярности его много способствовала также и рѣчь, произнесенная имъ на торжественномъ собраніи лица 18 сентября 1848 года, «О камеральномъ образованіи». Эта рѣчь служитъ между прочимъ прекраснымъ доказательствомъ, съ какой громадной пользой для себя и для другихъ проработалъ Ушинскій четыре года на профессорской кафедрѣ. Въ ту эпоху необычайно юнаго положенія русской науки и слѣпного подражанія во всемъ наукѣ заграничной, главнымъ-же образомъ—нѣмецкой, Ушинскій выступилъ вдругъ рѣзкимъ порицателемъ и противникомъ нѣмецкой системы камеральнаго образованія. Въ рѣчи своей онъ талантливо доказалъ, что нѣмецкіе камералисты очень неудачно смѣшали науку и искусство; что сочиненія ихъ по предметамъ камеральнаго образованія представляютъ лишь сборники разныхъ совѣтовъ и указаній по разнымъ отраслямъ промышленности. Отвергнувъ нѣмецкую систему, какъ рецептурную, но вовсе не научную, Ушинскій предложилъ свою собственную. По его плану, основой камеральнаго образованія должно служить изученіе родины въ самомъ широкомъ смыслѣ, какъ-то: семьи, общества и всей вообще народной хозяйственной дѣятельности. Кромѣ того онъ указалъ необходимость изученія народныхъ юридическихъ понятій, въ связи со всѣми вообще условіями мѣстной жизни.

Программа эта, свидѣтельствуя о широтѣ и глубинѣ познаній юнаго еще Ушинскаго, о самостоятельности и смѣлости его воззрѣній, заслуживаетъ тѣмъ болѣе вниманія, какъ первый голосъ въ русской наукѣ въ пользу экономическаго и бытового изученія народной жизни, о чемъ въ ту пору никто и думать не могъ. И только теперь, спустя болѣе 40 лѣтъ послѣ того, какъ Ушинскимъ впервые было указано на необходимость всесторонняго и тщательнаго мѣстнаго изученія, оно стало наконецъ предметомъ лучшихъ общественныхъ и правительственныхъ заботъ.

Эта рѣчь произвела сильное впечатлѣніе и выдвинула Ушинскаго въ ряду его собратій по наукѣ, какъ человѣка, имѣющаго свой самостоятельный взглядъ, вдохновленнаго стремленіемъ приурочить науку прежде всего служенію интересамъ родины, русскаго народа. «Народность», впервые начавшая пульсировать въ русской литературѣ—какъ было уже указано выше—въ началѣ 40-хъ годовъ, такъ характерно проявилась въ научныхъ стремленіяхъ

Ушинскаго, какъ профессора, пытавшася произвести цѣлый переворотъ въ области камеральнаго образованія, представлявшаго къ то время соединеніе юридическихъ наукъ съ естественными и имѣвшаго большое значеніе во всей практической дѣятельности.

Въ другое время, при иныхъ условіяхъ нашей жизни, рѣчь «о камеральномъ образованіи» должна-бы была послужить началомъ блестящей ученой карьеры Ушинскаго. Но не таковъ былъ 1848 годъ, какъ начало крайне неблагопріятнаго поворота для науки, печати, всякихъ вообще возвышенныхъ порывовъ и стремленій. Ушинскій однако какъ бы совѣмъ не замѣчалъ этого. Жадный къ труду, воспитавшій въ себѣ потребность и умѣнье много и упорно работать, привыкшій все перерабатывать самостоятельно, онъ успѣлъ уже, что называется, до корней изучить сочиненія Карла Риттера по землевѣдѣнію, усиленно занимаясь притомъ и юридическими науками. Какъ профессоръ и ученый, онъ окончательнo созрѣлъ, установился. Но въ это-то именно время его подстергала уже первый тяжелый ударъ въ жизни.

Начавшійся въ 1848 году неблагопріятный поворотъ въ русской жизни добрался наконецъ въ 1850 году и до Демидовскаго лицея, мирно занимавшагося наукой, и только ею одной, въ провинціальной глуши. Стремленіе все подвести въ жизни подъ шаблонную мѣрку, усчитать или даже предрѣшить всякій шагъ въ дѣятельности каждаго и всѣхъ, на всевозможныхъ поприщахъ общественнаго служенія,—очень тяжело и нагубно отразилось главнымъ образомъ въ области ученой дѣятельности, вызвавъ невообразимый застой мысли въ русскомъ обществѣ. Отъ преподавателей высшей науки потребовали не только самыхъ полныхъ, подробныхъ программъ, съ указаніемъ что и изъ какого именно сочиненія они намѣрены цитировать, но еще и съ распредѣленіемъ всего курса преподаванія по днямъ и часамъ. Когда на совѣтѣ преподавателей Демидовскаго лицея было заявлено такое требованіе,—это вызвало столкновеніе Ушинскаго съ начальствомъ. Онъ горячо доказывалъ, что живое педагогическое дѣло вообще и тѣмъ болѣе ученую дѣятельность «невозможно связывать такими формальностями»; что каждый преподаватель долженъ прежде всего сообразоваться со своими слушателями; что предвзятое раздробленіе «курса на часы» «совершенно убьетъ живое дѣло преподаванія».

Такой трезвый взглядъ на педагогическія обязанности и задачи дѣлаетъ большую честь Ушинскому. Но отъ него требовали не разсужденія, а беспрекословнаго исполненія именно того, что должно было «убить живое дѣло». Вѣрный принципу, что «на такое убій-

ство не отважится ни одинъ честный преподаватель», — Ушинскій вышелъ изъ лица въ 1850 году. Примеру его послѣдовали и нѣкоторые другіе преподаватели.

Оставшись безъ дѣла и безъ средствъ къ жизни, Ушинскій отправился въ Петербургъ на поиски работы. Не желая покидать педагогической дороги, онъ усиленно искалъ въ столицѣ хотя бы мѣста уѣзднаго учителя. Но напрасно: выходъ его изъ лица служилъ искусственной преградой къ педагогической дѣятельности. Бывшему профессору, страстному педагогу ничего болѣе не оставалось, какъ обратиться въ чиновники министерства внутреннихъ дѣлъ, по департаменту иностранныхъ исповѣданій, подъ вѣдѣніемъ графа Д. А. Толстого. Но здѣсь, на первыхъ же порахъ службы, острое слово, неосторожно оброненное Ушинскимъ по адресу графа Толстого и быстро облетѣвшее весь департаментъ, довольно рѣзко возстановило графа противъ Ушинскаго. Это недоброе чувство тяжело отразилось на Ушинскомъ главнымъ образомъ впоследствии, въ бытность графа Толстого министромъ народнаго просвѣщенія.

Департаментская служба, дававшая всего 400 рублей въ годъ, не могла обезпечить Ушинскаго, тѣмъ болѣе, что въ это время онъ былъ уже женатъ (на Надеждѣ Семеновнѣ, урожденной Дорошенко, дочери малороссійскаго помѣщика). Пришлось искать другихъ занятій, чему впрочемъ нисколько не препятствовала необременительная департаментская служба. По прежнему увлекаясь философіею и землевѣдѣніемъ, Ушинскій занялся также и изученіемъ англійскаго языка. Это облегчило ему доступъ къ журнальной работѣ въ самыхъ разнообразныхъ ея видахъ — въ качествѣ критика, компилятора, переводчика и проч. Съ 1852 года Ушинскій началъ принимать дѣятельное участіе въ «Современникѣ», а съ 1854 г. — и въ «Библиотекѣ для Чтенія», издававшейся А. В. Старчевскимъ. Помимо обширныхъ знаній, умѣнья владѣть перомъ и душевнаго жара, которымъ проникнуты даже и небольшія компилятивныя и переводныя статьи Ушинскаго, не говоря ужъ о критическихъ его статьяхъ (напримѣръ: «Литературный характеръ, или исторія гения, заимствованная изъ собственныхъ чувствъ и признаній Дизраэли», «Современн.», 1853 г., №№ съ 5-го по 8-й), онъ на первыхъ же порахъ обнаружилъ и несомнѣнный беллетристическій талантъ. Его рассказъ «Поѣздка на Волховъ», появившійся въ 1852 году въ «Современникѣ» (№ 9), былъ замѣченъ критикою и вызвалъ похвалу со стороны И. С. Тургенева.

Вообще за Ушинскимъ довольно скоро упрочилась репутація

талантливаго и образованнаго писателя. Помимо разныхъ текущихъ журнальныхъ работъ, онъ принималъ участіе и въ переводѣ «Политической экономіи» Милля. Но въ общемъ журнальная работа вознаграждалась очень скудно, поглощая однако много времени. Падъ составленіемъ срочныхъ журнальныхъ работъ (обозрѣній, хроникъ, разборовъ книгъ и проч.) Ушинскому нерѣдко приходилось проводить ночи напролетъ,—и это довольно сильно разстроило его здоровье, не отличавшееся особенною крѣпостью. Ушинскій, понимая опасность для себя журнальной работы, сталъ тяготиться ею, искать выхода. Случай вывелъ его на педагогическую дорогу, на которой онъ и обезсмертилъ свое имя.

Бывшій начальникъ Ушинскаго по Демидовскому лицію, П. В. Голохвастовъ, назначенный потомъ директоромъ Гатчинскаго сиротскаго института, рекомендовалъ Ушинскаго, какъ педагога, особенному вниманію почетнаго опекуна института, графа Ланскаго, который и лично зналъ Константина Дмитріевича. Въ 1855 году послѣдовало назначеніе Ушинскаго преподавателемъ словесности и законовѣднія въ Гатчинскій институтъ, а вскорѣ затѣмъ—и инспекторомъ института, вмѣсто П. С. Гурьева, послѣ выхода его въ отставку.

Такъ окончательно опредѣлилась педагогическая спеціальность Ушинскаго. Въ Гатчинскомъ институтѣ, вмѣстѣ съ прочнымъ матеріальнымъ обезпеченіемъ и почетнымъ положеніемъ, Ушинскій нашелъ обширное школьное дѣло, совершенно своеобразно поставленное, т. е. цѣлую систему школъ, начиная съ начальныхъ, для маленькихъ дѣтей, только что принимающихся за грамоту, и кончая высшими классами, съ курсомъ законовѣднія. Это громадное живое дѣло не могло не увлечь дѣятельной, отзывчивой натуры Ушинскаго, съ энтузіазмомъ принявшагося за изученіе педагогической литературы съ самыхъ ея корней—отъ Базедова и Песталоцци до Дистервега и Карла Шмидта.

Но, помимо обширнаго школьнаго дѣла, у котораго сталъ Ушинскій, были и другія обстоятельства, способствовавшія страстному, безповоротному увлеченію его педагогическою дѣятельностью. Мы говоримъ о «безповоротности» потому, что вступленіе Ушинскаго въ Гатчинскій институтъ совпало съ тѣмъ періодомъ, когда онъ усиленно думалъ о возвратѣ на ученую дорогу и на дѣятельность въ Гатчинѣ готовъ былъ смотрѣть, какъ на переходную. Это тѣмъ болѣе было возможно, что, по характеру четырехлѣтней своей журнальной дѣятельности, онъ не только не разошелся съ чистою на-

уюю, но систематически упрочивался въ ней; да кромѣ того и политическій горизонтъ Россіи значительно расчистился уже для продолженія научной дѣятельности, безъ всякихъ сдѣлокъ со своею совѣстью.

IV.

Начало педагогической дѣятельности К. Д. Ушинскаго.

Крутой переломъ въ русскомъ обществѣ и возбужденіе вниманія къ педагогическимъ вопросамъ. — Увлеченіе Ушинскаго педагогическою дѣятельностью. — Первые русскіе педагогическіе журналы и воздѣйствіе Ушинскаго на русское общество путемъ печати. — Первый опытъ составленія книги для начальнаго обученія русскому языку.

Время выступленія Ушинскаго на педагогическомъ поприщѣ было началомъ крутого перелома въ русскомъ обществѣ. Подъ вліяніемъ униженія и оскорбленія неудачами крымской войны, общество съ какимъ-то изступленіемъ занималось безпощаднымъ самообличеніемъ, самобичеваніемъ. Но эта добровольная казнь общества, — казнь притомъ вполне заслуженная предшествовавшею умственною и нравственною летаргіею, — не имѣла ничего общаго съ малодушіемъ, отчаяніемъ. Общество, огульно, слпошь порицая то, чему оно автоматически поклонялось, рвалось впередъ — искало лучшаго, стремилось къ лучшему, сознавая въ себѣ энергію и силы, чтобы добиться этого лучшаго.

Въ эготъ моментъ высокаго общественнаго возбужденія впервые раздался призывъ Н. И. Пирогова къ дѣлу воспитанія и обученія («Вопросы жизни», № IX «Морского Сборника», 1856 года). Съ лихорадочною страстностью набросилось общество на совершенно невѣдомые ему раньше вопросы учебно-воспитательной части, ставшіе теперь излюбленными вопросами въ высшемъ кругу, въ ученыхъ обществахъ и клубахъ, въ семьяхъ и школахъ, до приходскихъ училищъ включительно. Началась, можно сказать, хаотическая критика всего дѣла воспитанія и обученія во всемъ его прошломъ. Правительство также явно склонялось къ полной и коренной реформѣ въ учебно-воспитательномъ дѣлѣ и искало людей, способныхъ помочь ему въ этомъ отношеніи.

Словомъ, всѣ сознавали, что подрастающія поколѣнія необходимо учить и воспитывать иначе, чѣмъ прежде, — всѣ желали этого, всѣ стремились къ этому. Но дѣло однако оставалось безъ движе-

нія, потому что не доставало работника, не было на виду исполнителя, могшаго выступить въ роли новатора педагога-практика и писателя-теоретика, способнаго перомъ расчищать передъ собою путь въ реформаторской педагогической дѣятельности.

Очередь была за Ушинскимъ, который въ это время въ гатчинской тиши упорно, систематически готовился къ великой и благотворной роли русскаго педагога-реформатора.

Еще лѣтомъ 1855 года, т. е. на первыхъ же порахъ послѣ поступленія Ушинскаго въ Гатчинскій институтъ, редакторъ «Библиотеки для Чтенія», г. Старчевскій, отобравъ нѣсколько нумеровъ англійскаго журнала «Athenaeum», въ которыхъ были помѣщены статьи объ образованіи и воспитаніи въ Америкѣ, послалъ ихъ Ушинскому въ Гатчину, съ просьбою какъ можно скорѣе перевести для журнала. Статьи эти произвели чрезвычайно сильное впечатлѣніе на Ушинскаго. «Зачѣмъ прислали вы мнѣ статьи объ американскомъ воспитаніи?—говорилъ Ушинскій Старчевскому, явившись къ нему въ какомъ-то необыкновенномъ экстазѣ.—Вращаясь постоянно въ училищнемъ кругозорѣ, ознакомившись поближе съ дѣтьми, которыхъ надо развить, учить и воспитывать, я, по прочтеніи «Athenaeum'a», не могъ спать нѣсколько ночей! Статьи произвели страшный переворотъ въ моей головѣ, въ моихъ понятіяхъ, убѣжденіяхъ. Онѣ подняли въ моемъ умѣ цѣлый рой вопросовъ по воспитанію и образованію; навели меня на многія, совершенно новыя, мысли, которыя, безъ этихъ статей, пожалуй, никогда не пришли бы мнѣ въ голову. Я не знаю, что я сдѣлаю, что со мною будетъ, но я рѣшился посвятить себя съ этого дня исключительно педагогическимъ вопросамъ».

Слѣдующее обстоятельство играло въ этомъ отношеніи еще болѣе серьезную роль. Задолго до вступленія Ушинскаго въ Гатчинскій институтъ тамъ былъ инспекторомъ нѣкто Ев. Ос. Гугель. О немъ давно уже всѣ забыли, а если и вспоминали, то не иначе, какъ о «чудака-мечтателѣ, челоуѣкѣ не въ своемъ умѣ», оставившемъ въ послѣдіе институту библиотечку, состоявшую изъ двухъ довольно большихъ шкафовъ, къ которымъ никто не рѣшался прикоснуться, словно они были зачумленные. Шкафы эти, почернѣвшіе, запыленные, лѣтъ 20 стояли запечатанными. Ушинскій попросилъ отворить ихъ и нашелъ тамъ замѣчательно «полное собраніе педагогическихъ книгъ». Вотъ что писалъ онъ объ этой своей находкѣ, игравшей въ его жизни большую роль.

«Это было въ первый разъ, что я видѣлъ собраніе педагогическихъ книгъ въ русскомъ учебномъ заведеніи. Этимъ двумъ шкафамъ я обязанъ въ жизни очень, очень многимъ, и—Боже мой!—отъ сколькихъ бы грубыхъ ошибокъ былъ избавленъ я, если бы познакомился съ этими двумя шкафами прежде, чѣмъ вступилъ на педагогическое поприще! Человѣкъ, заведшій эту бібліотеку, былъ необыкновенный у насъ человѣкъ. Это едва ли не первый нашъ педагогъ, который взглянулъ серьезно на дѣло воспитанія и увлекся имъ. Но горько же и поплатился онъ за это увлеченіе. Покровительствуемый счастливыми обстоятельствами, онъ могъ нѣсколько лѣтъ проводить свои идеи въ исполненіе; но вдругъ обстоятельства измѣнились,—и бѣднякъ-мечтатель окончилъ свою жизнь въ сумасшедшемъ домѣ, бредя дѣтьми, школой, педагогическими идеями. Не даромъ же послѣ него закрыли и запечатали его опасное наслѣдство. Разбирая эти книги, исписанныя по краямъ одною и тою-же мертвою рукою, я думалъ: лучше было-бы, если-бы онъ жилъ въ настоящее время, когда уже научились лучше цѣнить педагоговъ и педагогическія идеи».

Но труды несчастнаго Гугеля не пропали безслѣдно. Черезъ 20 слишкомъ лѣтъ они нашли талантливаго продолжателя въ лицѣ К. Д. Ушинскаго. Занявъ мѣсто инспектора института, онъ получилъ возможность въ болѣе широкихъ размѣрахъ примѣнять на дѣлѣ тѣ педагогическіе вопросы, которые занимали его въ теоріи. Дѣятельность Ушинскаго въ роли администратора-педагога обширнаго учебнаго заведенія отличается большою энергіей и разумностью. Время инспекторства Ушинскаго въ Гатчинскомъ институтѣ—одна изъ самыхъ блестящихъ эпохъ въ исторіи этого учебнаго заведенія, ярко отмѣченная большою упорядоченностью всего учебно-воспитательнаго дѣла и успѣшностью его.

Какъ ни производительна была дѣятельность Ушинскаго по институту, какъ ни сильно занимала она его, тѣмъ не менѣе не могла насытить всей его энергіи, обнять всей шири педагогическихъ его воззрѣній и стремленій. Ему тѣсно было въ стѣнахъ института. Въ это именно время, подъ напоромъ общественнаго интереса къ дѣлу воспитанія и обученія, разомъ возникло, въ 1857 году, два педагогическихъ журнала: «Русскій Педагогическій Вѣстникъ», Н. А. Вышнеградскаго, и «Журналъ для воспитанія», А. А. Чумикова. Въ слѣдующемъ, 1858 году; прибавился еще одинъ дѣльный педагогическій журналъ — «Учитель», г. Паульсона. Въ одномъ изъ

этихъ журналовъ («Воспитаніе», Чумикова) Ушинскій началъ принимать дѣятельное участіе.

36 лѣтъ прошло уже со времени появленія въ свѣтъ одной изъ первыхъ педагогическихъ статей Ушинскаго—«О пользѣ педагогической литературы» («Воспитаніе», 1857 г., т. I), а между тѣмъ она настолько сохранила свою свѣжесть, значеніе и силу, словно въ ней говорится о текущихъ нашихъ школьныхъ злобахъ дня.

«Сравните число истинно развитыхъ людей съ числомъ лицъ, получившихъ систематическое воспитаніе, загляните въ училища и сравните число начинающихъ курсъ съ числомъ тѣхъ, которые окончиваютъ его,—и вы увидите, какъ много еще остается сдѣлать воспитанію!» Такъ между прочимъ опредѣнилъ Ушинскій въ указанной статьѣ задачу воспитанія. Осуществленіе этой задачи онъ ставитъ въ непосредственную зависимость отъ педагогической литературы.

«Педагогическая литература—говоритъ онъ—одна только можетъ обновить воспитательную дѣятельность, придать ей тотъ смыслъ и ту занимательность, безъ которыхъ она скоро дѣлается машинальнымъ препровожденіемъ времени, назначеннаго на уроки. Она одна только можетъ возбудить въ обществѣ вниманіе къ дѣлу воспитанія и дать въ немъ воспитателямъ то мѣсто, которое они должны занимать по важности возлагаемыхъ на нихъ обязанностей. Педагогическая литература устанавливаетъ въ обществѣ съ одной стороны правильныя требованія въ отношеніи воспитанія, съ другой—открываетъ средства для удовлетворенія этихъ требованій».

Та литература, о которой говоритъ Ушинскій, не имѣетъ ничего общаго съ техническою педагогическою литературою, которая не можетъ одухотворить дѣла воспитанія, поднять его на степень искусства, придать ему творчество. Безъ этого же условія педагогическое дѣло оказывается однимъ изъ самыхъ безотраднѣйшихъ видовъ ремесленничества, не чуждаго даже извѣстной доли вреда для подрастающихъ поколѣній, общества и государства. Это прекрасно выражено Ушинскимъ въ слѣдующихъ строкахъ:

«Преподаватель, который только въ классахъ занимается своимъ дѣломъ, а, переходя за порогъ школы, не встрѣчаетъ ни въ обществѣ, ни въ литературѣ никакого участія къ своему занятію, весьма скоро можетъ охладѣть къ нему. Преподаватель, усидчивый въ своей тихой, монотонной дѣятельности, видя, что ни общество, ни литература, занимающаяся даже ассирійскими древностями и этрусскими вазами, не занимаются его скромнымъ дѣломъ, долженъ имѣть необыкновенно много нравственной энергіи, чтобы не уснуть подъ убаяющую журчанье однообразной учительской

жизни. Вопросы науки, литературы, общественной жизни не касаются даже слегка его микроскопической дѣятельности. Новая повѣсть, новый водевиль, новая скрипка, даже новая шляпка—какія это все блестящія явленія, въ сравненіи съ крошечными фактами учительской дѣятельности!.. Новый воспитатель, можетъ быть и съ лучшими намѣреніями принявшійся за дѣло, скоро замѣчаетъ, что внѣ предѣловъ класса никто имъ не занимается, и самъ мало-по-малу привыкаетъ заниматься имъ только въ классѣ... Скоро онъ начинаетъ довольствоваться механической рутинной, однажды созданной, часто ложной и почти всегда односторонней. Случается даже иногда, что, закоренѣвъ въ этой рутинѣ, онъ начинаетъ съ какою-то злобою смотрѣть на всякую педагогическую книгу, если-бы она какъ-нибудь, сверхъ всякаго ожиданія, и попалась ему подъ руку: онъ видитъ въ ней дерзкую нарушительницу своего долготѣнаго спокойствія». «Наставническая и воспитательная дѣятельность, можетъ быть, болѣе, чѣмъ какая-либо другая, нуждается въ постоянномъ одушевленіи; а между тѣмъ она болѣе, чѣмъ всякая другая дѣятельность, удалена отъ взоровъ общества, результаты ея выказываются не скоро и замѣчаются не многими, рѣже всего самимъ воспитателемъ; однообразіе же ея способно усыпить умъ и пріучить его къ безсознательности».

Въ другой статьѣ («О народности въ общественномъ воспитаніи»), появившейся также въ 1857 году и въ томъ же журналѣ, Ушинскій разъяснилъ общія историческія основы европейскаго воспитанія, очертилъ положеніе учебно-воспитательнаго дѣла у всѣхъ культурныхъ народовъ, отмѣтивъ при этомъ наиболѣе характерныя особенности его въ разныхъ странахъ. Въ третьей статьѣ—«Три элемента школы» («Воспитаніе», 1858 г., т. I)—онъ опредѣлилъ ближайшія задачи русскаго школьнаго дѣла, неразрывность воспитанія и обученія, общественное и государственное значеніе школы.

Мы остановились на этихъ трехъ первыхъ крупнѣйшихъ педагогическо-литературныхъ статьяхъ Ушинскаго, потому что онѣ даютъ понятіе о той почетной роли, которую онъ сразу занялъ, ставъ во главѣ русскаго педагогическаго движенія со второй половины 50-хъ годовъ. Онъ осмыслилъ это движеніе, былъ истолкователемъ и руководителемъ его, далъ тонъ и направленіе печати и обществу въ ихъ стремленіи къ улучшенію, правильнѣе—пересозданію всего учебно-воспитательнаго дѣла въ Россіи.

Одно это уже, не говоря о послѣдующихъ заслугахъ, въ зна-

чительной мѣрѣ оправдываетъ названіе его «отцомъ русской педагогіи». Даже теперь, почти въ сорокалѣтней ужедали прошлаго, основы учебно-воспитательнаго дѣла, установленныя Ушинскимъ, не только не утратили своей новизны, но требуютъ какъ можно болѣе частаго и настойчиваго напоминанія о нихъ. Ничто такъ сильно не мѣшаетъ у насъ успѣху школьнаго дѣла вообще, какъ именно забвеніе о тѣхъ великихъ началахъ, которыя такъ талантливо были высказаны Ушинскимъ еще въ концѣ 50-хъ годовъ, такъ сильно оживили общество и трезво направили его.

Названіе Ушинскаго «отцомъ русской педагогіи» особенно справедливо потому, что ему первому принадлежитъ мысль о раціональной русской начальной школѣ. Еще въ концѣ 50-хъ годовъ, когда и помина не было о русской народной школѣ въ нынѣшнемъ ея значеніи, Ушинскій занимался уже составленіемъ книги для первоначальнаго чтенія, «Дѣтскаго Міра», имѣя, слѣдовательно, передъ собою опредѣленный идеалъ, которому должно удовлетворять начальное обученіе. Такимъ образомъ въ Ушинскомъ одновременно опредѣлялась дѣятельность педагога-практика и педагога-теоретика—на строго-научныхъ, философскихъ основаніяхъ.

V.

Блестящій успѣхъ и жестокой ударъ.

Назначеніе К. Д. Ушинскаго инспекторомъ Смольнаго института. — Коренное преобразованіе института. — Педагогическій кружокъ Ушинскаго и его культурное значеніе въ дѣлѣ русскаго воспитанія и обученія вообще. — Апогей педагогической славы Ушинскаго и завистники. — Клеветнической доносъ и побѣдоносное отраженіе его. — Оставленіе Ушинскимъ должности инспектора.

Педагогическая литературная дѣятельность Ушинскаго, а также и блестящіе успѣхи руководимаго имъ Гатчинскаго института обратили на него особенное вниманіе бывшаго тогда министромъ народнаго просвѣщенія Норова, по рекомендаціи извѣстнаго профессора и академика А. В. Никитенко, преподававшаго въ Смольномъ институтѣ. Въ 1859 году Ушинскій, при ихъ энергическомъ содѣйствіи, получилъ назначеніе на должность инспектора классовъ обохъ отдѣленій Смольнаго института—«благородной и неблагородной половинъ Смольнаго монастыря», какъ называли тогда институтъ, съ бывшимъ при немъ Александровскимъ училищемъ.

Назначеніе Ушинскаго инспекторомъ обширнаго закрытаго женскаго учебнаго заведенія, въ которомъ обучалось не менѣе 700 дѣвиць, было вызвано сознаннымъ правительствомъ потребностью реформировать это обширное учебное заведеніе, въ видахъ расширенія умственнаго развитія и образованія женщинъ, сообразно ощущавшимся въ то время потребностямъ. Дѣйствительно, Смольный институтъ представлялъ какой-то изумительный анахронизмъ. Въ самомъ институтѣ былъ 9-ти-лѣтній курсъ ученія, при 3-хъ классахъ; въ Александровскомъ же училищѣ при немъ—шестилѣтній курсъ, съ двумя классами. По окончаніи трехлѣтняго курса, воспитанницы въ полномъ составѣ переходили въ слѣдующій классъ, хотя бы между ними были и недостаточно подготовленныя, такъ какъ нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, оставлять воспитанницу въ одномъ классѣ на 6 лѣтъ, т. е. иначе—увеличивать продолжительность обученія до 12-ти, 15-ти лѣтъ и т. д. Вслѣдствіе этого, малоуспѣвшія въ нижшемъ классѣ, въ старшемъ успѣвали еще менѣе и, въ концѣ концовъ, окончивъ полный курсъ ученія, выходили изъ заведенія рѣшительно безъ всякихъ знаній. Положимъ, для болѣе слабыхъ, не успѣвающихъ ученицъ устраивались особыя параллельныя отдѣленія; но эти отдѣленія, не исправляя малоуспѣшности, только прибавляли къ ней оскорбленіе достоинства учащихся. Институтъ былъ строго закрытымъ заведеніемъ; учащихся не отпускали къ роднымъ не только по большимъ праздникамъ, но даже на лѣтнія, рождественскія и пасхальныя каникулы. Втеченіи девятилѣтняго пребыванія въ институтѣ онѣ были безусловно оторваны отъ родныхъ семействъ. Время ученія ихъ равносильно было заточенію, и названіе института «монастыремъ» имѣло значительную долю основанія.

Въ такомъ положеніи находилось дѣло при назначеніи Ушинскаго инспекторомъ Смольнаго института. Въ ту пору институты были единственными разсадниками средняго образованія женщинъ въ Россіи. Маленькія женскія духовныя училища при женскихъ монастыряхъ, пансіоны для «благородныхъ дѣвиць»—сдва ли даже можно принимать въ расчетъ. Тѣ и другіе были слишкомъ далеки отъ типа общеобразовательныхъ заведеній: въ первыхъ преобладалъ религіозный и даже монашескій элементъ; во вторыхъ дѣло сводилось къ простой дрессировкѣ—обученію танцамъ, музыкѣ и кое-какимъ верхушкамъ изъ новыхъ языковъ.

Вообще женщины въ то время учили «чему нибудь и какъ нибудь», но меньше всего—наукамъ. Во всѣхъ частныхъ и казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, не исключая конечно институтовъ,

методическое, систематическое образованіе женщинъ считалось даже вреднымъ для нихъ и въ моральномъ, и въ физическомъ отношеніи. Западная Европа также не могла дать никакихъ указаній въ отношеніи организаціи и постановки образованія женщинъ, потому что оно тамъ было почти на такой же низкой степени, какъ и у насъ, въ Россіи.

Но это несколько не мѣшало Ушпскому имѣть твердый, ясный, опредѣленный взглядъ на задачи и потребности образованія и воспитанія русскихъ женщинъ. Взглядъ этотъ проистекалъ изъ пониманія имъ важной и отвѣтственной роли женщины, какъ активнаго члена семьи и общества. Поэтому именно онъ съ восторгомъ принялъ предложенный ему постъ инспектора Смольнаго института и съ необычайной энергіей взялся за коренное преобразованіе его.

Десятилѣтній срокъ ученія былъ сокращенъ въ семилѣтній, съ годичнымъ курсомъ въ каждомъ классѣ. Обѣ половины Смольнаго института, т. е. «благородная» и «неблагородная», сравнены въ отношеніи объема учебнаго курса и продолжительности ученія. Самому преподаванію, ведшемуся прежде формально, отрывочно, поверхностно, приданъ серьезный и систематическій характеръ. Въ младшихъ, напримѣръ, классахъ введено наглядное обученіе, причемъ родной языкъ положенъ въ основу образованія, не въ формѣ конечно отупляющаго грамматизма, а какъ живой предметъ, способствующій разностороннему развитію учащихся. Оживлено преподаваніе русской и всеобщей исторіи. Значительное развитіе получило преподаваніе естествознанія и географіи. Безцвѣтное преподаваніе математики, традиціонно признававшейся скучнымъ предметомъ, недоступнымъ для женскаго ума, впервые было поставлено у насъ, какъ одно изъ самыхъ сильныхъ и могущественныхъ средствъ для укрѣпленія и развитія логическаго мышленія. Безжизненная риторика и піитика были замѣнены классными разборами самыхъ художественныхъ произведеній, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, и уже на основаніи такихъ разборовъ дѣлались теоретическіе выводы. Въ старшемъ же классѣ очень видная роль была отведена исторіи отечественной литературы, какъ особенно благородному предмету въ дѣлѣ развитія вообще и облагороженія эстетическаго чувства въ частности. Кромѣ того положено было начало особому педагогическому классу, чтобы дать возможность учащимся основательно знакомиться съ педагогикой и дидактикой не только въ теоріи, но и на практикѣ. Курсъ этого класса двухлѣтній: первый годъ—теоретическій, второй—для практическаго преподаванія самими ученицами, подъ руководствомъ учителей, въ особо сформированномъ для того элементарномъ классѣ.

Короче сказать, отъ прежняго безжизненнаго, безсодержательнаго Смольнаго института осталось лишь одно названіе: его замѣнило живое, осмысленное учебное заведеніе, съ кипучею образовательно-воспитательною дѣятельностью.

Имѣя лишь санкцію начальства на реформированіе учебно-воспитательной части института въ извѣстномъ направленіи, Ушинскій не могъ имѣть никакихъ детальныхъ указаній, такъ какъ въ ту пору разработка вообще учебныхъ программъ, а тѣмъ болѣе въ отношеніи совѣмъ не существовавшихъ еще женскихъ среднихъ общеобразовательныхъ заведеній — была дѣломъ непочатымъ. Такимъ образомъ Ушинскому пришлось быть инициаторомъ въ установленіи какъ общей программы преподаванія, такъ и распредѣленія предметовъ по классамъ. И это было сдѣлано такъ умѣло, предусмотрительно, что выработанная имъ общая программа и распредѣленіе предметовъ по классамъ и до сихъ поръ остаются, въ основныхъ чертахъ, во всѣхъ женскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Въ виду этого, К. Д. Ушинскаго вмѣстѣ съ Н. А. Вышнеградскимъ, осуществившимъ около того же времени *великій проектъ* учрежденія женскихъ гимназій, вполне справедливо можно назвать основателями нынѣшняго средняго образованія русскихъ женщинъ. Въ этомъ отношеніи Россія опередила было Западную Европу почти на четверть вѣка, но въ настоящее время — увы! — далеко отстала отъ нея въ дѣлѣ развитія и распространенія систематическаго общаго средняго образованія въ женскомъ населеніи.

Пересозданіе института, или иначе — организація совѣмъ новой системы образованія женщинъ, на невѣдомыхъ раньше основаніяхъ, было выполнено Ушинскимъ въ трехлѣтній срокъ. Инициаторомъ, душою и творцомъ этой важной работы былъ Ушинскій, беззавѣтно отдавшійся новому дѣлу, понимая выдающееся государственное его значеніе въ дальнѣйшей судьбѣ просвѣщенія русскихъ женщинъ. Тѣмъ не менѣе замѣчательному успѣху работы чрезвычайно благоприятствовала особенность той эпохи, отличавшейся удивительною чуткостью, отзывчивостью общества ко всему новому, живому, разумному и полезному, моментально выдѣлявшему изъ своей среды свѣдущихъ, даровитыхъ, преданныхъ дѣлу исполнителей. Разъ только являлась свѣтлая, здравая идея, — она несмеленно находила умѣлыхъ исполнителей. И чѣмъ выше была идея, тѣмъ самоотверженнѣе исполнители.

Такіе именно исполнители и окружали К. Д. Ушинскаго. Уже въ 1860 году, т. е. черезъ годъ послѣ вступленія его въ Смольный

институтъ, когда успѣлъ опредѣлиться характеръ предпринятыхъ имъ реформъ, около Ушинскаго сгруппировался кружокъ свѣжихъ, молодыхъ педагоговъ, имена которыхъ пользуются въ настоящее время общео извѣстностью. Въ составъ этого кружка входили: В. О. Буссе, В. П. Водовозовъ, священ. Головинъ, Дестунисъ, баронъ М. О. Косинскій, Лемеки, В. И. Лядовъ, Массонъ, О. О. Миллеръ, Л. Н. Модзалевскій, А. Н. Павловскій, Я. П. Пугачевскій, Раевскій, М. П. Семевскій, Д. Д. Семеновъ и другіе. Многие изъ нихъ сошли уже въ могилу, оставивъ по себѣ признательную память и очень почтенныя педагогическія сочиненія.

Значительная часть этого блестящаго педагогическаго персонала была получена Ушинскимъ изъ только-что основанной, по сосѣдству со Смольнымъ институтомъ, первой, по времени открытія въ Петербургѣ, ежедневной безплатной Таврической школы. Она была устроена молодымъ инженернымъ офицеромъ, барономъ М. О. Косинскимъ, энтузіастомъ-педагогомъ, даровитымъ преподавателемъ математики, много и съ пользою потрудившимся надъ разработкой методики математическихъ наукъ.

Самая эпоха возрожденія и обновленія Россіи, когда сущность торжествовала во всемъ надъ бездушною формою, не мало благоприятствовала такому замѣчательному подбору преподавателей. Облеченный обширными полномочіями и высокимъ довѣріемъ поддерживающихъ властей, Ушинскій не останавливался въ привлеченіи къ педагогической дѣятельности несомнѣнно даровитыхъ людей, у которыхъ однако не оказывалось установленныхъ на этотъ предметъ официальныхъ дипломовъ. Такъ, съ большою пользою для дѣла, но въ обходъ формализма, имъ были приглашены молодые офицеры: инженеръ баронъ М. О. Косинскій—преподавателемъ математики и артиллеристъ М. П. Семевскій—преподавателемъ исторіи. Оба они оказались не только превосходными преподавателями, но не мало потрудились впоследствии и на болѣе широкомъ общественномъ педагогическомъ поприщѣ, Семевскій же еще и на литературномъ, какъ издатель «Русской Старины». Кромѣ того Ушинскій пригласилъ было преподавателемъ русскаго языка въ младшихъ классахъ института и извѣстнаго писателя Н. Г. Помяловскаго, очень выгодно зарекомендовавшаго себя въ качествѣ учителя въ безплатной Шлессельбургской воскресной школѣ для дѣтей рабочихъ. Помяловскій однако, давъ нѣсколько очень удачныхъ пробныхъ уроковъ въ институтѣ, отказался отъ штатнаго мѣста преподавателя, не чувствуя въ себѣ достаточно склонности къ спеціальной педагогической дѣятельности.

Дружественнымъ, единомышленнымъ кружкомъ были союзнены преподаватели около Ушинскаго. Всѣхъ привлекали высокія умственныя и нравственныя качества даровитаго, энергическаго руководителя, державшагося однако на товарищеской ногѣ. Здѣсь все дѣлалось сообща, подвергалось дружному, одушевленному обсужденію.

На весь Петербургъ славились педагогическіе четверги Ушинскаго. Въ маленькій флигелекъ Смольнаго монастыря, находившагося въ то время довольно далеко за городской чертою, въ небольшую, уютную квартиру Ушинскаго еженедѣльно собирались не только друзья его и помощники-сослуживцы по институту, но и всѣ, кто живо интересовался педагогическими вопросами. Интересоваться же дѣйствительно было чѣмъ,—было чему учиться. Тутъ можно было узнать все, что есть новаго и выдающагося въ педагогической области, по части взглядовъ, методовъ и системъ преподаванія. Тутъ же, въ общей бесѣдѣ и оживленныхъ спорахъ, намѣчались, обсуждались, выработывались новыя программы и планы преподаванія, проектировались разныя измѣненія и улучшенія.

Эти четверги сплачивали петербургскую педагогическую семью и вдохновляли ее на живую, плодотворную работу. Не только для непосредственныхъ помощниковъ Ушинскаго по институту, но и для многихъ другихъ, интересующихся дѣломъ воспитанія и обученія, эти педагогическія собранія имѣли значеніе педагогической школы, въ нѣкоторомъ родѣ *педагогіума*. И у самого Ушинскаго, и у ближайшихъ его друзей и сослуживцевъ, и у лицъ постороннихъ, случайно попадавшихъ сюда, зарождались идеи и созрѣвали планы цѣлыхъ педагогическихъ трудовъ. На этихъ именно сборищахъ Ушинскій подвергалъ обсужденію и программу, и исполненіе «Дѣтскаго Міра», задуманнаго еще въ Гатчинѣ, надъ обработкой котораго онъ трудился теперь среди массы другихъ многосложныхъ своихъ обязанностей,

Благотворное вліяніе педагогическихъ собраній Ушинскаго не ограничивалось замкнутымъ педагогическимъ кружкомъ, но имѣло болѣе широкое общественное значеніе. Трезвые педагогическіе взгляды и понятія разносились по всему Петербургу и, отражаясь въ печати, распространялись съ большею или меньшею полнотою по всей Россіи.

Послѣ двухлѣтней работы подъ управленіемъ Ушинскаго Смольный институтъ, нисколько не интересовавшій прежде столичнаго общества, вызывавшій только нелѣпѣйшія легенды, по причинѣ своей замкнутости и рутины, вдругъ сталъ предметомъ большого

вниманія со стороны всего интеллигентнаго столичнаго общества. О новой, разумной жизни этого учебнаго заведенія, о происходящихъ и подготовляющихся тамъ капитальныхъ реформахъ громко говорила печать. Представители разныхъ учрежденій и вѣдомствъ, родители и родственники ученицъ, люди педагогической профессіи массами стремились въ институтъ, чтобы послушать уроки, о которыхъ говорилъ весь Петербургъ. И то, что они видѣли тамъ, приводило ихъ въ изумленіе и восторгъ.

Ученицы обоихъ отдѣленій Смольнаго института и всѣхъ классовъ, отъ старшаго до самаго младшаго, не только не тяготились ученіемъ, не называли его «противнымъ», какъ это было прежде, а напротивъ съ уваженіемъ относились къ нему, были явно увлечены занятіями, обнаруживая большую любовь къ труду. Между ученицами и учащими были хорошія, простыя, естественныя отношенія, основанныя на взаимномъ уваженіи, довѣрїи и доброжелательствѣ. Авторитетъ преподавателей, особенно же Ушинскаго, былъ очень великъ въ глазахъ учащихся. Родители и родственники, въ глаза и за глаза, на словахъ и въ письмахъ, иногда даже печатно, выражали Ушинскому горячую признательность, видя въ ученицахъ не свѣтскихъ куколъ, не кисейныхъ барышень, а разумныхъ, развитыхъ дѣвушекъ, со здоровыми взглядами, понятіями и сужденіями.

На всю Россію гремѣло имя К. Д. Ушинскаго, какъ умнаго, энергическаго, талантливаго реформатора-педагога. Славѣ Ушинскаго особенно много способствовало увлекательное преподаваніе имъ педагогики и дидактики въ обоихъ отдѣленіяхъ Смольнаго института. Вообще талантливый преподаватель и блестящій ораторъ, онъ вкладывалъ всю свою душу въ преподаваніе этого предмета, чтобы разъяснить своимъ ученицамъ, готовящимся вступить въ жизнь, великое назначеніе женщины, какъ матери, жены, разумнаго активнаго члена общества и всей государственной семьи.

Бывшія ученицы Ушинскаго, изъ которыхъ многія имѣютъ теперь въ томъ же Смольномъ институтѣ дочерей и даже внучекъ, съ юношескимъ восторгомъ и слезами благодарности вспоминаютъ объ этихъ прекрасныхъ урокахъ своего учителя. Онѣ свидѣтельствуютъ, что великіе завѣты учителя освѣщали имъ жизненный путь, поддерживали ихъ, руководили ими до преклонныхъ лѣтъ.

Благодаря именно нравственному обаянію личности Ушинскаго, голосъ его пользовался большимъ авторитетомъ и въ самыхъ высшихъ сферахъ. Ему, на примѣръ, поручено было письменно изложить свое мнѣніе о воспитаніи Наслѣдника престола.

Въ эту пору наибольшаго расцвѣта педагогическаго дарованія

и дѣятельности Ушинскаго вышла въ свѣтъ книга его — «Дѣтскій Міръ», сразу давшая ему общерусскую извѣстность. Съ большими сомнѣніями и колебаніями относился Ушинскій къ этому своему труду, отнявшему у него около трехъ лѣтъ. Строгій къ другимъ, онъ былъ безпощадно суровъ къ самому себѣ. Такъ какъ книга эта не удовлетворяла тѣмъ замысламъ, которые назрѣли уже у него въ это время относительно послѣдующихъ педагогическихъ работъ, вскорѣ же выполненныхъ имъ, то онъ и не рѣшался издавать «Дѣтскаго Міра». И только уступая настоятельнымъ совѣтамъ и просьбамъ своихъ друзей, или правильнѣе — кружка помощниковъ по институту, онъ рѣшился выпустить эту книгу въ количествѣ 3,600 экземпляровъ. Но «Дѣтскій Міръ» сразу же сдѣлался классною книгою во всевозможныхъ учебныхъ заведеніяхъ, такъ что въ первомъ же году выхода его потребовалось два новыхъ изданія.

Къ концу третьяго года пребыванія Ушинскаго въ Смольномъ институтѣ, т. е. къ исходу 1861 года, слава Ушинскаго, значеніе и вліяніе его, какъ передового русскаго педагога, достигли своего апогея. Но апогея достигла также и зависть къ Ушинскому. Та тысячеглавая гидра, которая смотритъ на педагогическое дѣло, какъ на ремесло и средство къ выслугѣ, съ тревогой и ненавистью слѣдила за возвышеніемъ Ушинскаго, за возрастаніемъ общественнаго его вліянія — и клеветала на него. И чѣмъ больше разрасталась слава Ушинскаго, тѣмъ болѣе ширилась клевета его завистниковъ.

Такое громадное дѣло, какъ созданіе совсѣмъ новой у насъ системы женскаго образованія и оживленіе всего вообще педагогическаго дѣла въ Россіи, было достигнуто Ушинскимъ, только благодаря личной его энергіи и таланту и при содѣйствіи ближайшихъ его помощниковъ, безусловно сочувствовавшихъ ему во всемъ и шедшихъ на помощь во всѣхъ его разумныхъ начинаніяхъ. А затѣмъ въ остальныхъ окружавшихъ его и такъ или иначе причастныхъ дѣлу приходилось встрѣчать закоренѣлыхъ, безнадежныхъ приверженцевъ отжившей рутинѣ. Изъ многочисленнаго, напримѣръ, женскаго персонала института, за исключеніемъ лишь двухъ инспектрисъ: Е. Н. Обручевой и А. К. Сентъ-Илеръ, остальные не только не сочувствовали преобразовательной дѣятельности Ушинскаго, но, тайно или явно, стояли даже на сторонѣ его враговъ.

Короче говоря, въ преобразованіи института, или иначе — въ созиданіи новаго у насъ типа средняго образованія женщинъ, приходилось идти на-проломъ, каждый шагъ брать съ боя. Это была непрерывная, продолжавшаяся почти ежеминутно борьба новыхъ

разумныхъ началъ воспитанія и обученія съ заскорузлой рутинѣй. Въ виду этого, блестящая повидимому роль Ушинскаго въ качествѣ преобразователя института въ сущности была тяжкимъ бременемъ, переполнявшимъ его жизнь безпрерывными тревогами, волненіями, непріятностями и разнаго рода столкновеніями, крупными и мелкими, но съ властными міра сего, то съ подчиненными. Отъ него, какъ главы и руководителя дѣла, помимо гигантской энергіи, требовалось, можно сказать, полное самозабвеніе, даже самопожертвованіе за высшіе духовные интересы тѣхъ сотенъ русскихъ дѣвушекъ, образованіе и воспитаніе которыхъ было ввѣрено ему.

Трудъ Ушинскаго по институту — трудъ самоотверженный въ полномъ смыслѣ слова. Потому то онъ и успѣлъ сдѣлать такъ много въ трехлѣтній срокъ, что сотрудники его видѣли въ немъ самозабвеніе, готовность на самопожертвованіе во имя великой идеи — насажденія рациональнаго средняго образованія женщинъ въ Россіи. Всѣмъ было ясно, какъ много Ушинскій беретъ на себя, принимая разныя нововведенія исключительно за свой страхъ и рискъ. Обыкновенно дѣлалось такъ, что сначала производилось самое улучшение и потомъ уже наступала окончательная санкція его. Этого крайне неудобнаго и рискованнаго порядка по необходимости приходилось держаться, въ виду новизны дѣла, чтобы не пугать ширью и смѣлостью нововведеній. Вѣра Ушинскаго въ свое дѣло, беззавѣтная преданность ему заражала, электризовала окружавшій его педагогическій персоналъ, — и новое дѣло ширилось, росло, преуспѣвало — наперекоръ мертвой рутинѣ.

Но за то росли также зависть, ненависть, вражда къ Ушинскому со стороны слѣпыхъ приверженцевъ старины. Можно сказать, что почти одновременно со вступленіемъ Ушинскаго въ институтъ начались безпрерывные доносы на него. Этого безкорыстнаго чловѣка, безупречной честности, убѣжденно-вѣрующаго, патріота въ самомъ возвышенномъ смыслѣ слова — обвиняли во всевозможныхъ неблаговидныхъ поступкахъ, даже въ неблагонадежности. Въ числѣ этихъ клеветниковъ-доносчиковъ были между прочимъ и лица, стоявшія у того же дѣла и долженствовавшія имѣть своимъ девизомъ любовь къ ближнему и самое высокое христіанское смиреніе.

Настойчиво, энергически добиваясь опредѣленной цѣли, не поступаясь ни въ чемъ своими убѣжденіями, не имѣя обыкновенія ладить съ дрянными самолюбійцами и обходить ихъ, Ушинскій въ концѣ концовъ создалъ себѣ къ началу 1862 г. такую массу сильныхъ враговъ, что не только вынужденъ былъ оставить инспекторство, но даже и оправдываться въ клеветническихъ доносахъ на него.

Словно громомъ пораженный въ самое сердце, Ушинскій втеченіи нѣсколькихъ сутокъ, почти не вставая съ мѣста, писалъ свое оправданіе. Ему нисколько не страшно было конечно, что гнусная клевета-доносъ сплела на него цѣлый рядъ самыхъ тяжелыхъ обвиненій, грозившихъ даже гибелью ему и его семьѣ; но ему нестерпимо больно и обидно было то, что, несмотря даже на высокое положеніе и довѣріе, приходится отписываться въ томъ, чего онъ не только никогда не дѣлалъ, но даже и немогъ дѣлать по своему образованію, убѣжденіямъ, общественному положенію и открыто проповѣдуемымъ взглядамъ.

Отписка Ушинскаго въ сущности была не оправданіемъ, а крикомъ негодованія, воплемъ, протестомъ противъ нелѣпости взводимыхъ на него обвиненій, — противъ наглаго посягательства на его честь и доброе имя. Онъ въ пухъ и прахъ разбилъ клеветническіе извѣты своихъ доносчиковъ, унизилъ, опозорилъ ихъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ разбилъ также и свое здоровье. Нервный, раздражительный, онъ слишкомъ горячо принялъ къ сердцу нанесенное ему оскорбленіе. Садясь за отписку бодрымъ и здоровымъ, онъ всталъ изъ-за нея посѣдѣвшимъ и началъ харкать кровью...

Вѣроятно на это главнымъ образомъ и былъ разсчитанъ низкій клеветническій доносъ, такъ какъ все безупречное прошлое Ушинскаго, шедшаго всегда прямо, открыто, имѣвшаго обыкновеніе говорить всѣмъ, что онъ думаетъ, дѣйствительно не поддавалось тайнымъ доносамъ.

Императрица Марія Александровна, лично знавшая Ушинскаго съ самой безупречной стороны и очень цѣнившая его, какъ человѣка даровитаго, выдающагося, съ негодованіемъ отвергла казуистическіе подходы клеветниковъ, принявъ знаменитаго русскаго педагога подъ свое высокое покровительство. По разнымъ соображеніямъ чисто формальнаго свойства, признано было неудобнымъ продолжать Ушинскому инспекторскую дѣятельность. Онъ былъ причисленъ къ IV Отдѣленію Собственной Его Величества Канцеляріи, съ оставленіемъ прежняго содержанія, и получилъ заграничную командировку.

Такъ неожиданно пресѣклась безпримѣрно плодотворная у насъ оффиціальная педагогическая дѣятельность Ушинскаго, въ пору полного расцвѣта и апогея ея. А какъ много добра и пользы сулило юному, только-что слагавшемуся русскому педагогическому дѣлу дальнѣйшее оставленіе Ушинскаго на прежнемъ мѣстѣ!.

Своей чуткой душой онъ предугадывалъ стремленіе русскихъ женщинъ къ высшему образованію. За сдѣланными уже преобразо-

ваніями, онъ мечталъ о рядѣ послѣдующихъ, чтобы поставить общеобразовательный курсъ среднихъ женскихъ учебныхъ заведеній на одномъ уровнѣ съ мужскими. Положивъ начало специальному педагогическому образованію женщинъ, онъ подумывалъ и о другихъ средствахъ, чтобы облегчить образованнымъ русскимъ женщинамъ переходъ къ инымъ родамъ трудовой дѣятельности. Эти смѣлые, широкіе замыслы, съ которыми Ушинскій подходилъ къ дѣлу болѣе 30-ти лѣтъ тому назадъ, остаются въ области проблемъ и до нашихъ дней.

Враги Ушинскаго торжествовали побѣду, но совершенно неосновательно. Правда, со сцены сошелъ реформаторъ, но не погибла самая реформа. Всѣ нововведенія Ушинскаго не только были сохранены въ Смольномъ институтѣ, но и получили распространеніе на другіе женскіе институты имперіи. Именно по мысли Ушинскаго, хотя уже и послѣ его ухода (12-го апрѣля 1862 года), было разрѣшено отпустить воспитанницъ институтовъ къ роднымъ на каникулы и большіе праздники. Это значительно парализовало прежнюю оторванность институтокъ отъ родного дома и окончательно уничтожило крайне вредную институтскую замкнутость и изолированность, порождавшую совершенно превратныя, фантастическія представленія о дѣйствительной жизни.

Короче говоря, длинный рядъ поколѣній русскихъ женщинъ, прошедшихъ черезъ институты съ начала 60-хъ годовъ, исключительно Ушинскому обязанъ лучшими условіями образованія и воспитанія, направленными главнымъ образомъ къ уничтоженію физическаго и нравственнаго пораженія женщинъ, на которое обрекала большинство ихъ прежняя институтская система воспитанія.

Велика заслуга Ушинскаго въ этомъ отношеніи, но велика-же и жертва съ его стороны. Дорого заплатилъ онъ за такой успѣхъ дѣла: онъ купилъ его почти цѣною собственной жизни!..

VI.

Научно-педагогическая дѣятельность.

Редактированіе К. Д. Ушинскимъ «Журнала Минист. Народн. Просвѣщенія» и причины отказа отъ редакторства. — Пребываніе за-границей; сближеніе съ Н. П. Пироговымъ. — «Педагогическая побѣда по Швейцаріи»; значеніе его «Писемъ» для русскаго школьнаго дѣла. — «Родное слово», его особенности и значеніе. — «Педагогическая антропология», какъ трудъ единственный въ педагогической литературѣ. — Особенное вниманіе и довѣріе къ Ушинскому.

Въ то самое время, когда въ одномъ вѣдомствѣ Ушинскаго забрасывали доносами, какъ ненавистнаго реформатора, мѣшавшаго

тупеядцамъ-рутинерамъ жить спокойно и будившаго ихъ къ разумной дѣятельности, въ другомъ учебномъ вѣдомствѣ, министерствѣ народнаго просвѣщенія, дѣятельность Ушинскаго цѣнили очень высоко. Въ 1860 году, т. е. еще въ бытность Ушинскаго инспекторомъ Смольнаго института, состоявшій въ то время министромъ народнаго просвѣщенія А. В. Головнинъ задумалъ кореннымъ образомъ преобразовать «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія». Въ виду наступившихъ реформъ въ области просвѣщенія, министръ желалъ сдѣлать названный журналъ органомъ разработки, обсуждения и разъясненія всѣхъ вообще педагогическихъ вопросовъ. Выборъ министра палъ на Ушинскаго, какъ единственно подходящаго для этой цѣли редактора, — и онъ вполне оправдалъ возлагавшіяся на него надежды.

Вносить жизнь вездѣ, гдѣ Ушинскій прилагалъ свой трудъ, — было особенностью его даровитой энергической природы. Создавъ изъ безжизненнаго Смольнаго «монастыря» живое учебно-воспитательное заведеніе, въ которомъ и учащіе, и учащіяся съ увлеченіемъ отдавались труду, Ушинскій сдѣлалъ то же и съ «Журн. Мин. Народн. Просвѣщенія». Съ половины 1860 года этотъ журналъ, бывшій прежде сухимъ, официальнымъ сборникомъ правительственныхъ распоряженій и случайныхъ специальныхъ статей о предметахъ, никого не интересующихъ, — совершенно преобразился, занявъ видное мѣсто, какъ чуткій, отзывчивый педагогическій журналъ, руководящій общественнымъ мнѣніемъ по всѣмъ очереднымъ вопросамъ и текущимъ событіямъ въ области просвѣщенія. Печать стала считаться съ мнѣніями безвѣстнаго, безличнаго прежде журнала. Общество начало прислушиваться къ нему. Для непосредственныхъ же дѣятелей по министерству просвѣщенія журналъ былъ незамѣнимымъ истолкователемъ очередныхъ вопросовъ, задачъ, цѣлей и средствъ къ осуществленію ихъ.

Особенно выдѣлялись въ журналѣ статьи самого Ушинскаго, обращавшія на себя большое вниманіе общества и возбудившія продолжительныя дебаты въ печати. Въ видѣ примѣра, остановимся лишь на слѣдующихъ его статьяхъ.

«Трудъ въ его психическомъ и воспитательномъ значеніи» — это блестящій философско-педагогическій трактатъ. Рядомъ фактовъ и положеній Ушинскій доказалъ въ немъ, что «безъ личнаго труда человѣкъ не можетъ идти впередъ, не можетъ оставаться на одномъ мѣстѣ, но должепъ идти назадъ». Трудъ сдѣлался «довершательнымъ закономъ человеческой природы, тѣлесной и духовной, и человеческой жизни на землѣ, отдѣльной и въ обществѣ, необхо-

димымъ условіемъ его тѣлеснаго, нравственнаго и умственнаго совершенствованія, его человѣческаго достоинства, его свободы и наконецъ его наслажденій и его счастья».

Другая его статья—«О нравственномъ элементѣ въ русскомъ воспитаніи»—посвящена жгучему вопросу, не утратившему, къ несчастію, своей остроты и до нашихъ дней: «почему у насъ людей нѣтъ?» Ушинскій видитъ разгадку этого вопроса главнымъ образомъ въ недостаткахъ нашего воспитанія. «Одного ума и однихъ познаній — говоритъ онъ между прочимъ — еще недостаточно для укрѣпленія въ насъ того нравственнаго чувства, того общественнаго цемента, который... связываетъ людей въ честное, дружное общество». «Вліяніе нравственное составляетъ главную задачу воспитанія, гораздо болѣе важную, чѣмъ развитіе ума вообще, наполненіе головы познаніями и разъясненіе каждому его личныхъ интересовъ». Вообще въ статьѣ разъяснена необходимость высоко-гражданскаго направленія воспитанія, чтобы «чувство личности, эгоизма» не заглушало въ человѣкѣ «чувства общности или, другими словами, нравственнаго чувства». Несомнѣнно, что при такой постановкѣ просвѣтительнаго дѣла въ странѣ не пришлось бы жаловаться на недостатокъ «людей».

Въ третьей статьѣ—«Проектъ учительской семинаріи»—Ушинскій впервые знакомитъ русское общество съ задачами и назначеніемъ этихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній, ихъ организаціею. Понутно разъясняя заслуги учительскихъ семинарій за-границей, онъ горячо радуется за дѣятельное распространеніе этихъ учебныхъ заведеній въ Россіи, выставляя насажденіе ихъ у насъ—дѣломъ первѣйшей и величайшей государственной важности.

Ограничиваясь приведенными примѣрами, съ увѣренностью можно сказать, что, судя по характеру и направленію статей К. Д. Ушинскаго, какъ редактора, а также и въ виду общаго состава журнала, предпринятое А. В. Головиннымъ преобразование «Журнала Мин. Народн. Просвѣщенія» могло имѣть громадное вліяніе на успѣшный ходъ всѣхъ предстоявшихъ реформъ въ области просвѣщенія, на упроченіе сознательнаго отношенія къ нимъ какъ педагогической среды, такъ и всего русскаго общества. Но, къ сожалѣнію, Ушинскому не долго пришлось быть редакторомъ—лишь до ноября 1861 года.

Вступившій въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія графъ Путятинъ задумалъ сдѣлать изъ журнала ученый сборникъ по всѣмъ наукамъ, нѣчто вродѣ пантеона всѣхъ наукъ. Не сочувствуя такому превращенію полезнаго и даже необходимаго це-

дагогическаго органа печати, не считая себя способнымъ быть редакторомъ такого ученаго энциклопедическаго журнала, Ушинскій отказался отъ редакторства, т. е. прекратилъ службу по министерству просвѣщенія.

Это не мѣшало ему однако продолжать участвовать въ министерскомъ журналѣ въ качествѣ сотрудника. Въ мартовской примѣрѣ книжкѣ за 1862 годъ онъ помѣстилъ обширную критическую статью, подъ заглавіемъ «Педагогическія сочиненія Н. И. Пирогова». Восторженно относясь къ личности автора, горячо сочувствуя воззрѣніямъ его на воспитаніе, Ушинскій однако довольно сильно разошелся съ нимъ во взглядѣ на значеніе классическихъ языковъ въ дѣлѣ образованія русскаго юношества. Въ противность мнѣнію Н. И. Пирогова, Ушинскій горячо настаивалъ, что не чужіе языки, мертвые или живые, а непосредно свой родной языкъ долженъ быть положенъ въ основу образованія, какъ одно изъ самыхъ лучшихъ и благородныхъ средствъ для духовнаго развитія учащихся. Этому вопросу кромѣ того была посвящена Ушинскимъ особая статья въ «Журналѣ Мин. Народн. Просвѣщенія», подъ заглавіемъ «Родное Слово». Эту же мысль о выдающемся значеніи родного языка въ образованіи и воспитаніи русскаго юношества настойчиво проводилъ Ушинскій втеченіи многихъ лѣтъ и въ газетѣ «Голосъ». Наконецъ, свою мысль о значеніи родного языка Ушинскій воплотилъ въ особомъ руководствѣ «Родное Слово», о которомъ будетъ сказано ниже.

Въ маѣ 1862 года, переживъ извѣстную уже передрагу въ Смольномъ институтѣ, съ сильно разстроеннымъ здоровьемъ, Ушинскій уѣхалъ съ семействомъ за-границу, получивъ отъ IV Отдѣленія командировку ознакомиться съ положеніемъ образованія женщинъ за-границей. Тамъ онъ провелъ пять лѣтъ, до 1867 года, живя преимущественно въ Швейцаріи, близъ Вева, и въ Гейдельбергѣ, какъ сильномъ умственномъ центрѣ. Въ этомъ послѣднемъ пунктѣ онъ познакомился и тѣсно сблизился съ Н. И. Пироговымъ, къ которому питалъ особенное расположеніе.

Не будучи на примѣрѣ еще знакомымъ съ Пироговымъ, никогда не встрѣчавшись съ нимъ, Ушинскій писалъ однако изъ Интерлакена одному изъ своихъ знакомыхъ, проживавшему въ Гейдельбергѣ: «Завидую вамъ, что вы живете въ одномъ городѣ съ Пироговымъ и часто съ нимъ видите: для него одного стоитъ переселиться на зиму въ Гейдельбергъ! Я никогда не видалъ этого человѣка, но едва-ли есть ктонибудь другой, кого я уважалъ бы болѣе». Ушинскій смотрѣлъ на Пирогова, какъ на высоко-нравственнаго человѣка, обще-

ніе съ которымъ можетъ возвысить, укрѣпить и окрылить духъ другого. Вотъ почему въ другомъ своемъ письмѣ изъ Гейдельберга онъ говорилъ о Пироговѣ: «Наконецъ-то мы имѣемъ посреди насъ человѣка, на котораго съ гордостью можно указать нашимъ дѣтямъ и внукамъ, и по безукоризненной дорогѣ котораго можемъ вести смѣло наши молодые поколѣнія. Теперь наша молодежь смотритъ на этотъ образъ—и будущность нашего отечества будетъ обезпечена».

Нужно замѣтить, что Ушинскій, несмотря на большую общительность, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ очень скупъ, чрезвычайно разборчивъ на дружбу, тѣсное сближеніе съ людьми. Въ Пироговѣ онъ чрезвычайно высоко ставилъ сочетаніе медицинскаго генія съ высокимъ педагогическимъ дарованіемъ и цѣльностью нравственной личности, неспособностью на покладистость и сдѣлки со своею совѣстью. И Ушинскій былъ правъ, что его такъ манило въ Гейдельбергъ, къ Пирогову. Никто не въ состояніи былъ бы такъ быстро и рѣшительно уврачевать мучительныхъ душевныхъ ранъ Ушинскаго, какъ сдѣлалъ это Пироговъ. Подъ вліяніемъ общенія и сближенія съ нимъ, Ушинскій быстро воспрянулъ и окрѣпъ духомъ,—съ удвоенною энергіей и лихорадочною торопливостью принялся за научную разработку, такъ сказать, основныхъ корней и вершинъ педагогическаго дѣла, что и послужило блестящимъ заключеніемъ славной, безсмертной его литературно-педагогической дѣятельности.

Поселившись въ Швейцаріи, Ушинскій дѣятельно принялся за изученіе школьнаго ея устройства, главнымъ же образомъ—народныхъ школъ, учительскихъ семинарій и женскихъ учебныхъ заведеній. Результатомъ этого изученія былъ рядъ его «Писемъ изъ Швейцаріи» (т. е. семь довольно объемистыхъ статей), печатаніе которыхъ, подъ общимъ заглавіемъ: «Педагогическая поѣздка по Швейцаріи», началось съ конца 1862 года.

Большую пользу принесли эти «Письма» русскому обществу. Разбирая положеніе школьнаго дѣла въ Швейцаріи, Ушинскій этимъ самымъ освѣщалъ и разныя стороны нашего школьнаго дѣла, до законодательства включительно. Освѣщеніе это производило тѣмъ большее впечатлѣніе, что Ушинскій вовсе не восторгался школьнымъ дѣломъ въ Швейцаріи, а напротивъ серьезно, съ полнымъ пониманіемъ дѣла, разбиралъ его. Этимъ путемъ онъ очень удачно подчеркивалъ тѣ задачи и цѣли, къ которымъ должно стремиться родное наше школьное дѣло, и тѣ средства, которыми можно достигать намѣченныхъ цѣлей. Такимъ образомъ анализъ школьнаго дѣла въ

Швейцаріи былъ, такъ сказать, проникнуть указаніями на потребности и нужды отечественнаго образованія.

Въ каждомъ «Письмѣ», почти въ каждой строчкѣ «Письма» сама собою чувствуется забота и дума о родномъ нашемъ школьномъ дѣлѣ. Дѣйствительно, въ эту пору душу Ушинскаго охватилъ мучительный пламень любви и преданности къ дѣлу русскаго народнаго образованія, только что зарождавшагося въ ту пору.

Объ этомъ между прочимъ даетъ особенно ясное понятіе его «Письмо седьмое» (Цюрихъ), посвященное характеристикѣ всѣхъ осмотровѣнныхъ имъ учительскихъ семинарій въ разныхъ кантонахъ Швейцаріи. Вотъ что, напримѣръ, говоритъ онъ въ заключеніи этого письма: «Возвращаясь въ Цюрихъ по берегу прекраснаго озера, я неволью соединилъ въ своемъ воспоминаніи всѣ четыре семинаріи, которыя видѣлъ, и не зналъ рѣшительно, которой изъ нихъ отдать пальму первенства; всякая изъ нихъ имѣла свои хорошія и свои слабыя стороны. Но какъ онѣ различны, какъ въ каждой изъ нихъ отразился свой особенный характеръ: семинарія Фрелиха дышетъ поэзією; семинарія Рюга—строкою логикою и методой; семинарія Кеттигера—здоровьемъ сельской семейной жизни; семинарія Фриса—наукой, современностью, яснымъ, спокойнымъ разсудкомъ и утилитаризмомъ... Можно по истинѣ удивляться, какъ всѣ эти три кантона: бернскій, арговійскій и цюрихскій, выработали себѣ свои особенныя, проникнутыя кантональнымъ характеромъ, семинаріи и какъ они отыскивали, каждый для своей семинаріи, такого директора, который типически выражаетъ въ себѣ характеръ кантона и развиваетъ его въ своихъ воспитанникахъ... Боже мой!—думалъ я про себя, вспомнивъ многія наши полу-иностранныя учебныя заведенія: когда же мы увидимъ такія же характерныя русскія воспитательныя заведенія и во главѣ ихъ—такія же типическія, русскія личности въ высоко-развитой, облагороженной формѣ, когда подобныя личности будутъ развивать въ воспитателяхъ благороднѣйшія черты истинно русскаго характера, а воспитатели будутъ вызывать этотъ характеръ въ молодыхъ поколѣніяхъ русскаго народа!»

Понимая безотрадное положеніе народнаго образованія въ Россіи, но лишенный возможности ринуться на родину для непосредственнаго, активнаго участія въ этомъ великомъ государственномъ дѣлѣ, Ушинскій всячески старается разбудить въ русскомъ обществѣ вниманіе къ народному образованію, вселить въ него надежду и вѣру въ возможность свѣтлаго будущаго. Это усиліе Ушинскаго, словно крикъ наболѣвшей души, вылилось у него въ слѣдующихъ

строкахъ письма на родину: «Теперь именно настаетъ пора, когда Россіи всего болѣе нужны школы, хорошо устроенныя, и учителя, хорошо подготовленные — и много, много школъ нужно! Иначе и свобода крестьянъ, и открытое судопроизводство не принесутъ всей той пользы, которую могли бы принести эти истинно великіе шаги впередъ. Школу, народную школу дайте Россіи, — и тогда, лѣтъ черезъ тридцать, станетъ она на прямую дорогу. Васъ ждетъ, господа, лучшее время, чѣмъ то, въ которое мы бились, какъ рыба объ ледъ! Готовьтесь же съ любовью, съ увлеченіемъ къ тому великому поприщу, которое васъ ожидаетъ»...

Подъ вліяніемъ новыхъ ощущеній, такъ сильно напоминавшихъ о родномъ школьномъ дѣлѣ, Ушинскій дѣятельно принялся за составленіе ранѣе уже намѣченныхъ имъ книгъ для первоначальнаго обученія дѣтей, въ возрастѣ лѣтъ до 10, которыя и вышли въ свѣтъ въ 1864 году подъ заглавіемъ «Родное Слово».

Ранѣе выпущенный имъ трудъ «Дѣтскій Миръ» (въ двухъ частяхъ) представлялъ собою книгу для класснаго чтенія. Назначеніе этой книги — облегчить преподающимъ выборъ матеріала для чтенія, соотвѣтствующій и послѣдовательности въ усиленіи умственныхъ упражненій учащихъ, и наглядному ознакомленію послѣднихъ съ предметами природы. Совершенно иное назначеніе имѣетъ «Родное Слово». Это уже не книги для класснаго чтенія, а систематическое руководство для первоначальнаго обученія, — первое, по времени появленія въ Россіи, раціональное, строго методическое руководство въ этой области обученія, остающееся единственнымъ въ своемъ родѣ и незамѣнимымъ до сихъ поръ. Оно было задумано Ушинскимъ вскорѣ же послѣ выхода въ свѣтъ «Дѣтскаго Мира», подъ вліяніемъ успѣховъ послѣдняго.

Оставаясь вѣрнымъ своему взгляду на значеніе родного языка, какъ лучшаго средства для духовнаго развитія ребенка, Ушинскій съ своимъ руководствѣмъ положилъ родной языкъ въ основу первоначальнаго обученія и вокругъ него, въ тѣсной связи съ нимъ, группируетъ остальные предметы обученія. Руководство его распределено на части или отдѣльныя книги, по годамъ обученія. Первый годъ «Родного Слова» (книга первая) обнимаетъ собою «Азбуку» и «Первую послѣ азбуки книгу для чтенія». Годъ второй (т. е. вторая книга «Родного Слова») представляетъ дальнѣйшую книгу для чтенія, посвященную уясненію дѣтямъ домашняго и школьнаго быта, предметовъ окружающей природы, времени года и проч.

Объ эти книги, на составленіе которыхъ было потрачено, въ

общей сложности, около четырехъ лѣтъ труда, вышли въ свѣтъ одновременно (въ 1864 г.), а вслѣдъ за ними появилась и «Книжка для учащихся», т. е. руководство къ преподаванію по «Родному Слову». Какъ заявилъ самъ Ушинскій въ своемъ «Руководствѣ къ преподаванію», его «Родное Слово» заключаетъ въ себѣ «много новаго какъ въ методѣ, такъ и въ приѣмахъ ученія». Въ дѣйствительности же трудъ его былъ безусловно новымъ не только въ нашей, русской, но и въ міровой педагогической литературѣ, какъ по общему замыслу, такъ и по исполненію.

«Написать первую книгу послѣ азбуки—скажемъ мы словами Ушинскаго—едва ли не самая трудная задача во всей дидактикѣ». Тѣмъ не менѣе онъ весьма удачно выполнилъ эту задачу. Сдѣлавъ центромъ первоначальнаго обученія родной языкъ, Ушинскій постепенно, держась строго индуктивнаго метода, знакомитъ дѣтей не только съ тѣмъ, что имъ необходимо знать въ обиходѣ обыденной жизни и окружающей природы, но также съ основаніями религіи, молитвами, грамотнымъ письмомъ, счетомъ и первоначальнымъ рисованіемъ. Всему этому придана въ «Родномъ Словѣ» такая форма, что пріобрѣтеніе новыхъ свѣдѣній дается ребенку безъ всякаго насилія его природы: знанія какъ бы сами собою вливаются въ ребенка со страницъ разумной книги, гармонично укладываются въ его сознаніи, вызывая любознательность, пытливость и самостоятельность въ учащемся.

Въ своемъ «Руководствѣ къ преподаванію» Ушинскій между прочимъ такъ опредѣляетъ назначеніе «Родного Слова». «Издавая руководство для учащихся по «Родному Слову», я имѣлъ въ виду не только школу, но и семью. У насъ болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь распространено домашнее первоначальное обученіе, и дай Богъ, чтобы оно распространялось и улучшалось. Осмотрѣвъ множество заграничныхъ школъ для малолѣтнихъ дѣтей, я вынесъ изъ этого осмотра полное убѣжденіе, что первоначальное воспитаніе и ученіе дѣтей, по крайней мѣрѣ до 8-миллѣтняго и даже до 10-тилѣтняго возраста, болѣе на мѣстѣ въ семьѣ, чѣмъ въ общественной школѣ, и что самая школа для малолѣтнихъ дѣтей тогда только хороша, когда она вполне проникнута семейнымъ характеромъ и болѣе похожа на семью, чѣмъ на школу. Я нерѣдко любовался устройствомъ малолѣтнихъ школъ за-границею, но всегда находилъ дурнымъ, что онѣ избавляютъ отъ необходимости заниматься съ дѣтьми не только такихъ матерей, у которыхъ весь день поглощенъ личнымъ и тяжелымъ трудомъ, но и такихъ, которыя очень могли бы посвятить обученію своихъ малютокъ тѣ немногіе часы или, лучше сказать

минуты дня, какія для этого нужны. Съ удивленіемъ замѣтилъ я потомъ, что въ самой педагогической странѣ въ мірѣ вовсе не развиты въ женщинѣ тѣ педагогическія наклонности, которыя столь свойственны женской природѣ... Желалъ бы отъ всей души, чтобы на моей родинѣ, рядомъ съ устройствомъ малолѣтнихъ школъ для дѣтей, не могущихъ, по какимъ либо уважительнымъ причинамъ, пользоваться счастьемъ хорошаго домашняго воспитанія и ученья, развивались въ русской женщинѣ наклонность и умѣнье—самоі занимать первонаачальнымъ воспитаніемъ и обученіемъ своихъ дѣтей. Я желалъ бы, чтобы русская женщина, испытавъ глубокое наслажденіе самоі учить и развивать своего ребенка, не уступала этого наслажденія никому, безъ крайней необходимости. Что женщины врождено стремленіе учить и развивать свое дитя, а вмѣстѣ съ тѣмъ даны и необходимыя для этого способности,—въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. И если многія матери, несмотря на все свое желаніе не разставаться рано со своими дѣтьми и учить ихъ самими, тѣмъ не менѣе поручаютъ это дѣло школъ или чужимъ лицамъ, то это объясняется практической неподготовленностью матерей къ дѣлу первоначальнаго обученія. Вотъ почему, назначая мой учебникъ не только для школы, но и для семьи, я счелъ необходимымъ приложить къ нему такое руководство для учащихся, которое ведетъ ихъ шагъ за шагомъ въ дѣлѣ первоначальнаго обученія отечественному языку... Я въ этой книгѣ имѣлъ главною цѣлю—помочь начинающимъ учить и въ особенности облегчить для матери и сдѣлать для нея пріятнымъ трудъ первоначальнаго обученія».

Въ отношеніи послѣдующихъ частей «Родного Слова» Ушинскій имѣлъ такой планъ. Давши дѣтямъ въ первыхъ двухъ частяхъ «Родного Слова» обильный матеріалъ для пракческаго изученія русскаго языка, въ третьей части перейти къ грамматикѣ и другимъ предметамъ. Вслѣдствіе этого первымъ отдѣломъ третьяго года явилась грамматика; второй отдѣлъ должна была составлять географія; третій—исторія; четвертый—арметика. Къ сожалѣнію, преждевременная смерть помѣшала закончить такъ широко и дѣльно задуманный планъ пракческаго руководства, долженствовавашаго обнять всю программу начальнаго образованія. Отвлеченный другой большою, важною и сложною работою, о которой будетъ сказано ниже, Ушинскій лишь черезъ шесть лѣтъ, т. е. въ 1870 году, выпустилъ первый отдѣлъ третьяго года «Родного Слова», т. е. грамматическій отдѣлъ, съ соответствующимъ руководствомъ для преподавателей.

Это — единственный у насъ опытъ нагляднаго, такъ сказать,

изложенія грамматики. Точно также и «Руководство къ преподаванію» этого отдѣла «Родного Слова» (т. е. практической грамматики) представляетъ единственный въ своемъ родѣ разборъ того произвола, безалаберщины и мертвечины, которая царитъ во всѣхъ принятыхъ и одобренныхъ для учебныхъ заведеній грамматикахъ русскаго языка. Ушинскій ставитъ такое правило въ основу осмысленнаго преподаванія русской грамматики: «Такъ какъ грамматика есть результатъ наблюденій человѣка надъ собственнымъ языкомъ, а не языкъ результатъ грамматики, то самый раціональный пріемъ изученія грамматики будетъ такой, при которомъ стараются обратить вниманіе дитяти на то, какъ онъ говоритъ, и только руководятъ его наблюденіемъ надъ тѣми грамматическими законами, которымъ онъ безсознательно подчиняется въ своей рѣчи, усвоенной подражаніемъ, но созданной самосознаніемъ. Руководство наставника при этомъ, безъ сомнѣнія, необходимо; предоставленное самому себѣ, дитя, конечно, не сдѣлаетъ никакихъ наблюденій надъ такимъ сложнымъ, обширнымъ и притомъ невидимымъ явленіемъ, какимъ представляется человѣческое слово во всей его исторической и логической организаціи. Но, при этомъ руководствѣ, должно, сколько возможно болѣе, оставлять самодѣятельности ученику».

Громадная, незамѣнимая потеря для нашей педагогической литературы, для всего учебно-воспитательнаго дѣла, что Ушинскому не удалось кончить остальныхъ отдѣловъ третьяго года «Родного Слова». Тѣмъ не менѣе выпущенными имъ частями «Родного Слова» онъ оказалъ неоцѣненную услугу всему дѣлу школьнаго и домашняго начальнаго образованія. Онъ первый у насъ, въ Россіи, истолковалъ эту сложную, труднѣйшую отрасль обученія, въ деталяхъ разъяснилъ её отъ азбуки до сознательной грамотности. Онъ создалъ разумную русскую начальную школу, разумное первоначальное обученіе — воспитывающее, образующее, облагораживающее умъ и чувство, вызывающее учащагося къ самообразованію, самоусовершенствованію.

Это — такая великая заслуга передъ отечествомъ, что если бы Ушинскій не прибавилъ болѣе ни одной строки къ своему «Родному Слову», — одного этого труда было бы совершенно достаточно, чтобы обессмертить его имя, какъ одного изъ талантливѣйшихъ и просвѣщеннѣйшихъ въ мірѣ педагоговъ. Онъ изъясилъ дѣло начальнаго обученія и воспитанія изъ произвольныхъ усмотрѣній гг. педагоговъ, водрузилъ его на философскихъ устояхъ и привилъ ему строго индуктивный методъ, какъ единственно возможный и безусловно обязательный на этой ступени образованія.

Но Ушинскій еще болѣе обезсмертилъ и прославилъ себя другимъ обширнымъ, капитальнымъ трудомъ: «Человѣкъ—какъ предметъ воспитанія. Опытъ педагогической антропологіи».

Одну изъ главныхъ задачъ заграничной его командировки составляло порученіе отъ IV Отдѣленія составить руководство по педагогіи. Порученіе это какъ пельзя болѣе отвѣчало давнимъ желаніямъ самого Ушинскаго и совпадало съ общимъ направленіемъ и характеромъ научно-педагогической его дѣятельности, посвященной разработкѣ основныхъ принциповъ и руководящихъ началъ въ дѣлѣ обученія и воспитанія.

Втеченіи пятилѣтняго пребыванія за-границей подготовка къ составленію «Педагогической антропологіи» преобладала надъ всѣми другими его занятіями. Совершенно своеобразно и очень умно отнесся Ушинскій къ возложенному на него порученію—написать обстоятельный курсъ педагогики. Онъ совершенно отрицалъ пользу руководствъ по педагогикѣ, въ смыслѣ голаго свода извѣстныхъ правилъ, безъ указанія ихъ основаній, безъ уясненія вообще человѣческой природы. Это—простая педагогическая рецептура, какую мы видимъ въ иностранныхъ педагогикахъ, особенно же въ нѣмецкихъ,—мало понятна и приложима къ дѣлу, открываетъ широкій просторъ ошибкамъ и произволу каждаго, соотвѣтственно степени личнаго невѣдѣнія, заблужденія въ отношеніи требованій и свойствъ природы учащагося, воспитываемаго юношества. Смотря на педагогику именно какъ на искусство, которому можно выучиться только на практикѣ, Ушинскій примѣнялъ къ ней то же требованіе, какъ и во врачебномъ дѣлѣ. Какъ невозможно быть хорошимъ врачомъ, изучивъ лишь какіе бы то ни было полные и совершенные лечебники, но безъ должныхъ познаній по анатоміи и фізіологіи человѣка, точно также невозможно быть и сознательнымъ педагогомъ, не имѣя яснаго понятія о физической и духовной природѣ человѣка, насколько она изслѣдована, разъяснена современною наукою.

Значить, требуется прежде всего не руководство по педагогикѣ, въ смыслѣ учебника, собранія правилъ и положеній, а такая книга, которая помогала бы уясненію свойствъ человѣческой природы. Это тѣмъ болѣе необходимо по условіямъ русской педагогической дѣятельности, въ виду необычайной скудости въ нашей образованной средѣ познаній о физической и духовной природѣ человѣка, особенно же—філософскихъ свѣдѣній и общедоступныхъ книгъ по этой части. Поэтому Ушинскій и задался цѣлью написать, какъ можно общедоступнѣе, специальную антропологическую книгу, которая бы заключала въ себѣ систематическое собраніе всѣхъ не-

обходимыхъ свѣдѣній о природѣ человѣка вообще. Для этого конечно необходимо было перечитать всѣхъ величайшихъ мыслителей и естествоиспытателей, отъ Аристотеля до Канта, Дарвина и Шопенгауэра, и затѣмъ уже сдѣлать изъ нихъ соотвѣтствующія выборки, чтобы получить одно связное цѣлое о томъ, что добыто наукою втеченіи длиннаго ряда вѣковъ о человѣческой природѣ.

На эту подготовительную работу ушло пятилѣтнее пребываніе Ушинскаго за-границей. Перечитывая массу сочиненій великихъ ученыхъ, древнихъ и новыхъ, онъ дѣлалъ изъ нихъ выписки на особыхъ листахъ. Такимъ образомъ за пятилѣтіе у него образовался цѣлый багажъ сырого матеріала, съ которымъ онъ и явился въ Петербургъ въ 1867 г., чтобы окончательно обработать его, свести въ одно цѣлое, связать одною общей идеею. Такъ какъ общій планъ работы давно уже былъ готовъ, то и выполненіе его не заставило себя долго ждать. Въ концѣ 1867 г. онъ выпустилъ въ свѣтъ первый томъ книги своей—«Человѣкъ—какъ предметъ воспитанія. Опытъ педагогической антропологіи», а въ 1869 г.—и 2-й томъ.

Такъ появилось двухтомное сочиненіе Ушинскаго, представляющее обширную и единственную въ міровой педагогической литературѣ популярную антропологическую энциклопедію. Этотъ драгоценный вкладъ въ нашу научную литературу имѣетъ незамѣнимое значеніе не только для педагога, но и для всякаго образованнаго человѣка, сколько нибудь интересующагося свойствами духовной и физической природы человѣка.

Кромѣ двухъ томовъ «Педагогической антропологіи», Ушинскій имѣлъ въ виду написать еще и третій томъ, посвященный приложенію теоретическихъ основаній воспитанія и обученія, изложенныхъ въ двухъ первыхъ томахъ, къ педагогической практикѣ. Къ величайшему сожалѣнію, этотъ трудъ остался не оконченнымъ. Но тѣмъ не менѣе сохранились черновые рукописные наброски его, сохранился даже весь конспектъ полнаго (трехтомнаго) сочиненія «Педагогической антропологіи», какъ оно было задумано и подготовлено въ чернѣ его авторомъ. Все это находится въ распоряженіи г-жи Ушинской, вдовы покойнаго, но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще не опубликовано.

Въ печати (въ брошюрѣ г. А. Фролкива) опубликована лишь программа третьяго, предполагавашагося, тома «Педагогической антропологіи». Эту, практическую, часть труда предполагалось посвятить «психическимъ явленіямъ высшаго порядка или явленіямъ духовнымъ». Считаая отличительнымъ признакомъ этихъ явленій самосознаніе или разумность, какъ общій корень всѣхъ духовныхъ, чисто

человѣческихъ явленій, Ушинскій подраздѣляетъ эти явленія на слѣдующіе виды: *даръ слова*, чувство *художественное*, чувство *нравственное*, чувство *религіозное*. Развитие въ ребенкѣ каждаго изъ этихъ «видовъ», т. е. приведеніе каждаго изъ нихъ въ состояніе полного, яснаго самосознанія, и должно составлять задачу воспитанія, въ цѣломъ же—они должны дать воспитаніе *человѣка*.

Этотъ видъ воспитанія конечно не имѣетъ ничего общаго съ выпускомъ въ жизнь просто офицеровъ, инженеровъ, сельскихъ хозяевъ, учителей и проч., и проч. Въ каждомъ изъ нихъ чувствуется въ большей или меньшей степени *спеціалистъ*, но слишкомъ мало «человѣка». Между тѣмъ должно быть наоборотъ: воспитаніе должно образовать, оформить прежде всего «человѣка»,—и потомъ уже изъ него, какъ изъ личности развитой, нравственной, непременно выработается и соответствующій спеціалистъ, любящій избранное имъ дѣло, преданный ему, тщательно изучающій его и потому способный приносить наибольшую пользу въ избранной имъ сферѣ дѣятельности, соответственно размѣрамъ своихъ природныхъ дарованій.

Такого именно воспитанія и добивался Ушинскій во всемъ, что вышло изъ подъ его пера теоретическаго, а равно—и въ своей педагогической практикѣ. Особенно-же большую услугу оказалъ онъ въ этомъ отношеніи своимъ послѣднимъ трудомъ—«Человѣкъ—какъ предметъ воспитанія», разъяснивъ въ немъ основы, условія и требованія истинно-человѣчнаго и *человѣческаго* воспитанія, такъ чтобы не калѣчилась, не извращалась человѣческая природа, а наоборотъ—получала-бы наибольшее развитіе, соответственно индивидуальнымъ особенностямъ каждаго.

Если Россіи суждено когда-нибудь дожидаться университетской кафедры по педагогіи, то книга Ушинскаго «Человѣкъ—какъ предметъ воспитанія», считая въ томъ числѣ и конспектъ третьяго ея тома, является готовою программою для такой кафедры. За отсутствіемъ-же послѣдней, «Педагогическая антропология» Ушинскаго представляетъ собою единственную сокровищницу и руководительницу для всѣхъ, не желающихъ ошущью бродить въ сложномъ, трудномъ и крайне отвѣтственномъ дѣлѣ воспитанія и обученія.

«Письма изъ Швейцаріи», выпускъ въ свѣтъ «Родного Слова» и «Педагогической антропологии»—все это доказываетъ, какую дѣятельную жизнь велъ Ушинскій за границей,—едва-ли даже не болѣе труженическую, чѣмъ въ Россіи. Это было время наибольшаго его умственнаго и нравственнаго возбужденія, наибольшаго проявленія его творческой энергіи и силы.

Полный широкихъ замысловъ, подъ наплывомъ новыхъ и новыхъ плановъ педагогическихъ работъ учебнаго и научнаго характера, онъ переѣзжалъ за-границей изъ одной мѣстности въ другую не въ поискахъ отдыха и празднаго развлечения, а для изученія школьнаго дѣла. Съ этой цѣлью, кромѣ Швейцаріи и Германіи, Ушинскій посѣщалъ Италію и Францію. Въ Ниццѣ знаменитый русскій педагогъ удостоился чести неоднократно бесѣдовать съ Императрицей Маріей Александровной о разныхъ вопросахъ воспитанія. О серьезномъ значеніи этихъ бесѣдъ можно судить уже потому, что Императрица поручила ему высказать свой взглядъ по вопросу о воспитаніи Наслѣдника русскаго престола.

Ушинскій изложилъ свой взглядъ по этому предмету въ четырехъ довольно обширныхъ письмахъ, которыя благосклонно были приняты Ея Величествомъ, встрѣтивъ съ ея стороны живое сочувствіе и одобреніе. Въ этихъ письмахъ указывалось между прочимъ на особенную трудность въ воспитаніи будущаго монарха Россіи, въ виду необычайной шаткости, неустойчивости тогдашняго русскаго общества, стоявшаго, такъ сказать, на рубежѣ между до-реформеннымъ порядкомъ и нарождавшимися великими внутренними преобразованіями Россіи. Старое не вполне еще умерло, новое не успѣло окрѣпнуть, набраться, какъ слѣдуетъ, силы. Между тѣмъ и другимъ порядкомъ велась упорная борьба, шелъ горячій споръ, поселялись сомнѣнія, слышались упрямые отрицанія. Указывая на неблагопріятность и даже опасность для правительства такихъ противоположныхъ общественныхъ теченій, Ушинскій находилъ, что противовѣсомъ имъ должно служить какъ можно большее укрѣпленіе въ умѣ и сердцѣ будущаго главы государства не только собственно русскихъ, но и общеевропейскихъ государственныхъ убѣжденій и взглядовъ.

VII.

Послѣдніе годы жизни.

Изъятіе «Дѣтскаго Міра» изъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія. — Ушинскій, какъ полемикъ. — Переѣздъ въ Петербургъ; непосредственное вліяніе Ушинскаго на столичную педагогическую среду. — Ушинскій, какъ центръ тяготѣнія педагогической дѣятельности въ Россіи. — Столкновеніе на университетскомъ диспутѣ. — Пребываніе на югѣ Россіи и сближеніе съ народными учителями. — Послѣдній ударъ жизни.

Проживая съ семействомъ за-границей, Ушинскій почти ежегодно пріѣзжалъ въ Петербургъ по дѣламъ своихъ изданій. Пріѣхавъ

въ 1866 году, онъ былъ пораженъ и тяжело оскорбленъ извѣстіемъ, что его книга для класснаго чтенія (т. е. «Дѣтскій Миръ и Хрестоматія») не допущена Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ школахъ этого вѣдомства. Со времени выхода «Дѣтскаго Мира» прошло уже болѣе пяти лѣтъ; книга успѣла получить обширное распространеніе въ учебныхъ заведеніяхъ всевозможныхъ вѣдомствъ и стать необходимой классной книгой; наконецъ извѣстность и авторитетъ Ушинскаго, какъ педагога, казалось бы, должны были предоставлять надежную гарантію противъ «недопущенія» ея по Министерству Народнаго Просвѣщенія. Тѣмъ не менѣе «недопущеніе» было совершившимся фактомъ.

И—чрезвычайно характерный фактъ—въ 1866 году «Дѣтскій Миръ» подвергся остракизму по вѣдомству народнаго просвѣщенія именно за то, за что онъ, въ бытность министромъ народнаго просвѣщенія А. В. Головнина, заслужилъ особенное одобреніе. Тогда, т. е. при министрѣ Головнинѣ, составителю книги вмѣнена была въ особую заслугу прагматичность ея, богатство и разнообразіе статей по естествознанію, разумный подборъ ихъ, помогающій наглядному ознакомленію дѣтей съ предметами природы. Но спустя пять лѣтъ, т. е. при министрѣ народнаго просвѣщенія графѣ Д. А. Толстомъ, тотъ же Ученый Комитетъ и, насколько извѣстно, даже то самое лицо, которое давало первый отзывъ о «Дѣтскомъ Мирѣ», на этотъ разъ истолковали обиліе статей по естествознанію въ смыслѣ развитія у дѣтей матеріализма, нигилизма ..

Ушинскій конечно нисколько не заблуждался, что въ этомъ гоненіи на его книгу повинна не сама по себѣ книга, остававшаяся одобренною учеными комитетами другихъ вѣдомствъ, а тотъ мелкій, ничтожный эпизодъ, который произошелъ около 16-ти лѣтъ тому назадъ, во время службы его въ департаментѣ иностранныхъ исповѣданій, и возстановилъ противъ него графа Д. А. Толстого. Эпизодъ этотъ былъ чисто личнаго свойства, не имѣлъ никакого отношенія ни къ убѣжденіямъ Ушинскаго, ни тѣмъ болѣе къ его книгѣ для чтенія. Эта послѣдняя однако оставалась подъ остракизмомъ по вѣдомству народнаго просвѣщенія не только во все время жизни Ушинскаго, но и спустя даже цѣлое десятилѣтіе послѣ его смерти. Только въ началѣ 80-хъ годовъ «Дѣтскій Миръ» вновь рекомендованъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ этого вѣдомства, хотя конечно въ книгѣ этой не произошло никакихъ измѣненій.

Нравственное оскорбленіе, причиненное Ушинскому недопущеніемъ его книги для чтенія по вѣдомству народнаго просвѣщенія, было еще болѣе усилено случайнымъ совпаденіемъ этого факта съ выходомъ въ свѣтъ «Книги для первоначальнаго чтенія», составленной А. Филоновымъ и А. Радонежскимъ и появившейся въ Петербургѣ. Это изданіе болѣзненно отозвалось въ душѣ Ушинскаго, такъ какъ въ немъ чувствовалось отраженіе реакціи противъ всѣхъ новыхъ вѣяній въ русской жизни, и реакція эта явно уже начинала по немногу поднимать голову. Гг. Филоновъ и Радонежскій вздумали открыто пойти на перерѣзъ всѣмъ тѣмъ основамъ и принципамъ въ дѣлѣ начальнаго обученія и воспитанія, инициаторомъ и насадителемъ которыхъ былъ Ушинскій. Жестоко же проучилъ онъ ихъ за эту продерзость!..

Ушинскій, нужно замѣтить, вообще былъ блестящимъ полемизаторомъ. Остроумный, находчивый, логичный, живой и точный въ выводахъ и положеніяхъ при устномъ и печатномъ спорѣ, онъ вполнѣ оправдывалъ названіе «ученаго бойца» («полемика»). Еще раньше онъ далъ превосходную отвѣдь на рецензію г. Толя, появившуюся въ журналѣ «Учитель», о его «Дѣтскомъ Мирѣ». Эта отвѣдь была чисто принципиальнаго свойства, такъ какъ въ ней Ушинскій отстаивалъ, развивалъ и разъяснял тѣ начала и принципы, которымъ должна удовлетворять книга для класснаго чтенія и противъ которыхъ рецензентъ его, г. Толъ, дѣйствительно сильно погрѣшилъ въ предъявленныхъ имъ требованіяхъ «Дѣтскому Миру». Болѣе широкое поприще представляла для уясненія этихъ началъ и принциповъ книга гг. Филонова и Радонежскаго, такъ какъ въ ней они были не только забыты, но намѣренно поруганы, попораны.

Въ обширной статьѣ «Цвѣты московской педагогіи на петербургской почвѣ», помѣщенной въ «Отечественныхъ Запискахъ» въ 1866 году, Ушинскій, переходя отъ статьи къ статьѣ, разобралъ эту удивительную книгу, рѣшительно выходящую изъ ряда вонъ. Подлинныя цитаты изъ всѣхъ 6-ти отдѣловъ книги наглядно доказали несомнѣнную непригодность книги «для первоначальнаго чтенія», такъ какъ въ дѣтяхъ, едва овладѣвшихъ грамотою, предполагаются такія предварительныя познанія, какія только-только въ пору ученикамъ V-го класса гимназіи. Ничего не можетъ сдѣлать съ этою книгою и народный учитель даже при самомъ лучшемъ желаніи. Для прочтенія на примѣръ въ классѣ нѣсколькихъ статей въ одну-двѣ страницы, ему пришлось бы употребить на предварительныя бесѣды съ учащимися цѣлые мѣсяцы, чтобы сообщить имъ все необходимое для пониманія той или другой статьи. А такъ какъ

такими именно статьями почти сплошь наполнены всѣ шесть отдѣловъ книги, то, значить, въ народномъ учителѣ предполагается такой запасъ знаній по Закону Божію, исторіи, географіи, естествознанію и словесности, какими могутъ обладать лишь преподаватели гимназій по каждому изъ этихъ предметовъ въ отдѣльности. Наконецъ первый отдѣлъ книги (по Закону Божію) начинается отрывками изъ Священнаго Писанія на церковно-славянскомъ языкѣ. Очевидно, составители книги признавали необходимымъ начинать учить дѣтей на церковно-славянскомъ языкѣ и потомъ уже переходить къ русскому, — учить такъ, какъ учили въ старину, когда единственными учебными книгами были «Часословъ» и «Псалтирь».

«Вся книга гг. Филонова и Радонежскаго есть одинъ большой курьезъ, — говоритъ Ушинскій, послѣ длиннаго ряда фактическихъ изобличеній нелѣпости въ ея составленіи: — но самое курьезное въ ней — это появленіе ея въ свѣтъ. Оно — законное дитя тѣхъ педагогическихъ миѣній о дѣтскомъ обученіи, которыя проводились въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», въ «Современной Лѣтописи» и въ «Русскомъ Вѣстникѣ», — законное, но не старшее. Первенцемъ этой новѣйшей московской педагогики явилась книга г. Н. Щербина, одного изъ педагогическихъ дѣятелей «Русскаго Вѣстника». Г. Щербина, писавшій прежде только стишки, вдругъ, вдохновленный московскою прессою, вообразилъ себя педагогомъ; сначала написалъ громоносную статью противъ всякой рациональной педагогики и противъ всякихъ народныхъ учителей-педагоговъ, и потомъ захотѣлъ показать на дѣлѣ, что можно всякому быть педагогомъ, стоитъ только захотѣть: вооружился перомъ... нѣтъ, не перомъ, а *ножницами* и, вырѣзывая листы изъ разныхъ старыхъ изданій, преимущественно же куски изъ «Московскихъ Вѣдомостей», составилъ «Пчелу, сборникъ для народнаго чтенія и для употребленія при народномъ обученіи», «Молодымъ людямъ на поученье, старымъ людямъ на послушанье». Но г. Щербина былъ все-таки поосторожнѣе и — какъ бы сказать?... поделикатнѣе своихъ петербургскихъ подражателей... Не прибавь онъ въ своей книгѣ: «и для употребленія при народномъ обученіи», для котораго она столько же годится, сколько и старыя «Московскія Вѣдомости», — мы бы и не упомянули о ней въ этой статьѣ. Но петербургскіе педагоги, гг. Филоновъ и Радонежскій, подъ наитіемъ московской педагогической музы пошли... гораздо дальше г. Щербаны. Гг. Филоновъ и Радонежскій тоже принялись за ножницы; но ножницы ихъ работали гораздо быстрѣе, гораздо рѣшительнѣе и неразборчивѣе... и вотъ въ три-четыре вечера (куй желѣзо, пока горячо!) появилась книга уже не

для народнаго, а прямо для «первоначальнаго» чтенія, т. е. для *обученія чтенію*. Этимъ, правда, они избѣгли ошибки г. Щербина, который полагаетъ, что сѣдовласый старецъ и восьмилѣтнее дитя (ученикъ народной школы) могутъ читать одно и то же съ одинаковой пользою; но зато составили такую книгу *для первоначальнаго чтенія*, которую положительно полезнѣе будетъ замѣнить чтеніемъ казенныхъ объявленій, издаваемыхъ при «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Вотъ по какимъ причинамъ мы можемъ назвать книгу гг. Филонова и Радонежскаго «*цвѣткомъ московской педгогики, распустившимся на петербургской почвѣ*».

Составители этого «цвѣтка» не только погрѣшили противъ основныхъ педагогическихъ требованій, но даже и злоупотребили именами митрополита Филарета, Карамзина, Ломоносова, архіепископа Иннокентія и другихъ достойныхъ русскихъ людей. Слишкомъ ужъ неразборчиво работая ножницами, они преподносятъ для чтенія дѣтямъ, едва овладѣвшимъ азбукою, такія мудренныя выдержки изъ произведеній этихъ русскихъ писателей и церковныхъ ораторовъ, усвоеніе которыхъ, рѣшительно превышая дѣтскія силы, могло бы внушить имъ даже ненависть и отвращеніе къ самымъ уважаемымъ русскимъ людямъ. По этому поводу Ушинскій обращается къ составителямъ книги съ слѣдующими горячими словами:

«Эхъ, гг. Филоновъ, Радонежскій и tutti quanti, не трогать бы вамъ лучше почтенныхъ именъ нашихъ великихъ людей! Карамзины и Ломоносовы любили отечество, любили науку, горячо вѣрили въ прогрессъ, трудились всю жизнь для народнаго образованія и, прежде всего, были честные люди. Какъ глубоко огорчились бы они, если бы могли предвидѣть, что черезъ сто, полтора ста лѣтъ послѣ нихъ возможны будутъ такія патріотическія спекуляціи ихъ именами въ дѣлѣ воспитанія русскихъ дѣтей! Какъ бы глубоко огорчились эти истинные патріоты — а не фальшивые, подкрашенные, размалеванные шуты въ патріотическихъ маскахъ — если бы могли предвидѣть, что черезъ сто, полтора ста лѣтъ послѣ нихъ въ русской учебной литературѣ будутъ появляться такія книги, которыя даже гдѣ-нибудь на Отаитскихъ островахъ были бы нелѣпостью».

Разборъ Ушинскаго, можно сказать, въ доскъ уложилъ эту болѣе чѣмъ неудачную книгу, которая, несмотря даже на явныя усилія поддержать ее, не имѣла никакого успѣха. Ушинскій произвелъ настолько сильное впечатлѣніе своимъ разборомъ, что отвѣтъ на него со стороны г. Филонова, подъ заглавіемъ «*Плоды педагогическаго озлобленія*», не былъ принятъ ни одною редакціею, и появился отдѣльною брошюрою. Но какой это удивительный отвѣтъ!

Безсильный отстоять свою книгу, г. Филоновъ просто написалъ доносъ на книги Ушинскаго: «Дѣтскій Миръ» и «Родное Слово», обвиняя ихъ въ анти-религіозномъ направленіи. Ушинскій не удостоилъ даже отвѣта эту очевидную для всѣхъ клевету... Разбирая книгу гг. Филонова и Радонежскаго, Ушинскій не вмѣлъ въ виду рѣшительно никакихъ личныхъ счетовъ и цѣлей. Онъ желалъ только разсѣять тотъ мракъ, тѣ допотопныя понятія въ отношеніи воспитанія, которыми московскіе журналисты все еще продолжали наводнять Россію, несмотря на болѣе чѣмъ десятилѣтній уже благопріятный поворотъ въ русскомъ общественномъ мнѣніи—исключительно подъ вліяніемъ Ушинскаго.

К. Д. Ушинскій тяготился продолжительною жизнью за-границей, не соотвѣтствовавшей ни его порывамъ работать на пользу русскаго школьнаго дѣла, ни его взглядамъ на воспитаніе подроставшихъ своихъ дѣтей, которыхъ онъ желалъ учить непременно въ Россіи, въ кругу русскихъ дѣтей, считая безусловно вреднымъ исключительное заграничное воспитаніе. Поэтому, почувствовавъ возстановленіе своихъ силъ, онъ немедленно перебрался съ семьєю въ Петербургъ, въ 1867 году.

Здѣсь съ какою-то лихорадочною торопливостію предался онъ кипучей, разнообразной дѣятельности. Обработывая «Педагогическую антропологию», занимаясь подготовленіемъ третьяго года «Родного Слова», онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ увлеченъ и мыслью о примѣненіи въ Россіи всѣхъ тѣхъ новыхъ для нея педагогическихъ началъ, которыя выработалъ за-границей путемъ продолжительнаго наблюденія, большой научной подготовки и размышленія. Съ этой цѣлью онъ сталъ дѣятельно посѣщать петербургское педагогическое общество (при второй гимназій). Внося собственные рефераты, принимая участіе въ обсужденіи рефератовъ другихъ членовъ, онъ немедленно выдвинулся, какъ одинъ изъ самыхъ энергическихъ и авторитетныхъ членовъ общества и сталъ душою его. Довольно вялая, безличная прежде дѣятельность педагогическаго общества сильно оживилась. И это было очень важно, такъ какъ пора стояла горячая. Нарождались народныя школы и учительскія семинаріи; только что складывалась жизнь женскихъ гимназій; назрѣвала реформа среднихъ учебныхъ заведеній, такъ-называемая нынѣшняя классическая система образованія. На все это горячо и дѣльно стало отзываться столичное педагогическое общество, если не всегда по личному почину Ушинскаго, то обязательно при энергическомъ его участіи и руководствѣ. Именно благодаря главнымъ образомъ ему,

ни одинъ изъ возбуждавшихся въ педагогическомъ обществѣ вопросовъ не снимался съ очереди, пока не былъ исчерпанъ, какъ говорится, до дна. Въ этомъ отношеніи Ушинскій — этотъ «ходячій педагогическій архивъ», «багажъ педагогической мудрости», какъ его называли сочлены общества, былъ неопѣнимъ, незамѣнимъ.

Серьезное, умѣлое и чуткое отношеніе педагогическаго общества къ вопросамъ и явленіямъ школьной жизни снискало ему большое сочувствіе образованной части населенія, какъ въ столицѣ, такъ и въ провинціи. Собранія общества посѣщались такою массою отборной образованной публики, что громадный залъ второй гимназіи, гдѣ происходили засѣданія, не всегда вмѣщаль собравшихся. Въ педагогическихъ журналахъ обязательно помѣщались рефераты, вносимые въ собраніе; тамъ же печатались и подробные отчеты о преніяхъ, происходившихъ въ собраніяхъ (въ формѣ стенограммъ или точнаго пересказа). Это давало возможность общей печати и читающей публикѣ правильно ориентироваться относительно взглядовъ и заключеній кружка компетентныхъ людей по спеціальнымъ педагогическимъ вопросамъ, что, въ свою очередь, способствовало опредѣленности, устойчивости общественныхъ воззрѣній на школьное дѣло вообще.

Благодаря почину Ушинскаго, отдавашаго на гласный, открытый судъ педагогическаго общества свои учебныя и научныя сочиненія, вошло въ обычай, что почти не оставалось ни одного вновь появляющагося педагогическаго сочиненія, которое бы не проходило черезъ горнило критики педагогическаго общества. Тутъ сообщи установилась гласная, безпристрастная оцѣнка каждому изъ нихъ. Въ этомъ отношеніи особенно много помогала Ушинскій, зорко слѣдившій за всѣмъ, что появлялось въ нашей педагогической литературѣ. Онъ же главнымъ образомъ ввелъ въ обычай сообщать съ критической оцѣнкой обо всемъ, что появлялось выдающагося въ заграничной педагогической литературѣ, за которой также внимательно слѣдилъ.

Гласная критика всего, что появлялось въ нашей педагогической литературѣ, была очень полезна уже въ томъ отношеніи, что въ значительной мѣрѣ предотвращала одобреніе къ употребленію такихъ руководствъ, которыя не удовлетворяютъ своему назначенію. Кромѣ того эта критика имѣла еще и другое, болѣе существенное, значеніе. При оцѣнкѣ каждаго руководства или учебнаго пособія, всесторонне обсуждались также программа, планъ, методъ изложенія и приемъ преподаванія каждаго предмета, въ связи съ особенностями того рода заведеній, для которыхъ предназначается данное сочиненіе. Такое обсужденіе конечно вызывало оживленный обмѣнъ

мѣнній и способствовало самому детальному выясненію дѣла, такъ что не оставалось мѣста никакимъ сомнѣніямъ и произвольнымъ выводомъ.

Въ виду этого, можно безъ преувеличенія сказать, что столичное педагогическое общество имѣло значеніе обще-русской педагогической школы. Вліяніе его дѣйствительно распространялось на всю Россію. Число провинціальныхъ членовъ возростало изъ года въ годъ. Каждый изъ нихъ непринужденно обращался въ общество со всеми своими вопросами и сомнѣніями. Пріѣзжая въ Петербургъ, провинціальные члены являлись въ собраніе, знакомились и приходили въ сношеніе съ тѣми изъ членовъ, которые представляли для нихъ наибольшій интересъ по роду ихъ специальности.

Какое громадное и благотворное вліяніе имѣло въ это время педагогическое общество, душою и вдохновителемъ котораго былъ главнымъ образомъ Ушинскій, можно видѣть между прочимъ изъ того, что самыя дѣльныя руководства и учебныя пособія по всемъ предметамъ учебнаго курса появлялись въ свѣтъ или въ концѣ 60-хъ годовъ (съ 1867 по 1870 г.), когда Ушинскій принималъ непосредственное участіе въ обществѣ, или въ началѣ 70-хъ годовъ, когда были свѣжи еще великія традиціи Ушинскаго въ русской педагогической средѣ. Если вы дадите себѣ трудъ перечислить все наиболѣе извѣстныя и уважаемыя нынѣшнія педагогическія силы, — они окажутся состоящими почти поголовно изъ тѣхъ лицъ, которыя или только-что начинали пріобрѣтать нѣкоторую педагогическую извѣстность, или впервые выступали на педагогическое поприще въ исходѣ 60-хъ годовъ. И память не подсказываетъ намъ между ними ни одного сколько-нибудь выдающагося педагога, который не былъ-бы сочленомъ общества, не принималъ бы участія въ его великой самодѣятельной работѣ, имѣвшей такое громадное воспитательное значеніе для всей обширной русской педагогической семьи. То, что творилось въ петербургскомъ педагогическомъ обществѣ, разносилось по всей Россіи, вдохновляло провинціальныхъ ея работниковъ и руководило ими. Благодаря этому руководящему центру, они чувствовали общность и цѣльность педагогическихъ интересовъ. Это поддерживало въ нихъ интересъ къ педагогическому труду, увлекало высокою идейною стороною этой трудной дѣятельности.

Не занимая никакого оффиціального педагогическаго положенія, Ушинскій тѣмъ не менѣе, черезъ посредство педагогическаго общества, сталъ центромъ тяготѣнія всей педагогической дѣятельности въ Россіи. Строго говоря, это — самая кипучая, бурная и производительная пора въ жизни Ушинскаго, когда педагогическій автори-

тетъ его достигъ наивысшей силы. Къ этому времени относится самая обширная переписка Ушинскаго и съ иностранными педагогами, и съ земствами, и съ отдѣльными русскими педагогическими дѣятелями, работавшими въ провинціи главнымъ образомъ по начальному образованію.

Такъ напримѣръ, баронъ М. О. Косинскій, бывшій директоромъ одной изъ первыхъ земскихъ учительскихъ семинарій, въ Новгородѣ, находился въ самыхъ оживленныхъ сношеніяхъ съ Ушинскимъ, пользуясь его совѣтами и указаніями при организаціи новаго у насъ дѣла. Очень дѣятельную переписку велъ Ушинскій съ барономъ Н. А. Корфомъ, работавшимъ тогда въ Екатеринославской губерніи по народному образованію. Ушинскаго очень живо интересовало нарождавшееся у насъ въ то время народное образованіе, главнымъ же образомъ отношеніе къ нему самаго крестьянства и земства. Съ восторгомъ привѣтствовалъ онъ сознательное отношеніе крестьянъ къ потребности образованія для ихъ дѣтей, видя въ этомъ лучшій залогъ для разумной и прочной постановки начального образованія и успѣшнаго его развитія, соотвѣтственно потребностямъ мѣстной жизни. Вотъ что, напримѣръ, говорилъ онъ въ своей статьѣ «О возникновеніи нашихъ народныхъ школъ», помѣщенной въ «Народной Школѣ», Ѳ. Н. Мѣдникова, въ 1870 году:

«...Наша народная школа, какъ ни слабы еще до сихъ поръ ея начатки, уже дѣйствительно начинается у насъ, и начинается *самымъ естественнымъ образомъ*, изъ прямыхъ своихъ источниковъ: изъ пониманія народомъ необходимости образованія для жизни и изъ теплаго источника любви родителей къ дѣтямъ, которыхъ отцы хотятъ приготовить къ жизни лучше той, какую они сами вели. Какъ ни просто и какъ ни естественно такое начало народной школы, но оно не такъ обыкновенно, какъ можетъ показаться, и необыкновенно именно потому, что слишкомъ просто и естественно. Человѣкъ только въ рѣдкихъ случаяхъ попадаетъ на прямой путь; по большей же части онъ долго колеситъ вокругъ и около, прежде чѣмъ придетъ къ тому, что просто и естественно. Страннымъ можетъ показаться, если мы скажемъ, что наша только что зарождающаяся народная школа стоитъ на той прямой дорогѣ, къ которой едва въ самое послѣднее время начинаетъ приближаться народное образованіе въ нѣкоторыхъ западныхъ государствахъ, далеко обогнавшихъ насъ въ этомъ дѣлѣ, но между тѣмъ это дѣйствительно такъ.»

Въ видахъ наиболѣе успѣшнаго и плодотворнаго развитія народнаго образованія, Ушинскій энергически ратовалъ въ пользу возможно большей свободы въ этомъ дѣлѣ мѣстныхъ органовъ обще-

ственнаго управленія, такъ чтобы «какъ администрація, такъ и высшіе слои общества сохранили за собою право содѣйствовать этому дѣлу только убѣжденіемъ, разъясненіемъ, примѣромъ и наконецъ матеріальною и интеллектуальною помощію, но никакъ не принужденіемъ, запрещеніемъ, регламентаціею и тому подобными мѣрами, которыя были у насъ прежде въ такомъ ходу и которыя здѣсь, въ этомъ чисто семейномъ дѣлѣ народа, не должны имѣть никакого мѣста... Если мы оставимъ за собою одну вспомошествовающую дѣятельность, то и тогда поле этой дѣятельности будетъ безконечно громадно, такъ громадно, что для полной обработки его не хватитъ, можетъ быть, ни нашихъ финансовыхъ, ни нашихъ административныхъ средствъ.»

Короче говоря, Ушинскій добивался, чтобы все дѣло народнаго образованія, во всей его организаціи, созидалось и развивалось непремѣнно на почвѣ народнаго самосознанія, такъ какъ только при этомъ условіи образованіе получаетъ въ глазахъ населенія наибольшее значеніе и пріобрѣтаетъ особенно благотворное воспитательное вліяніе на массу. Въ чемъ именно должна была состоять эта «вспомошествовающая дѣятельность», куда и какъ ее направить для просвѣтленія сознанія массы населенія,—Ушинскій общалъ поговорить въ «особыхъ статьяхъ». Но судьбѣ угодно было распорядиться иначе: цитированная нами статья была послѣднею статьею Ушинскаго.

Какъ ни разнообразна была педагогическая дѣятельность Ушинскаго—кабинетная, журнальная, въ педагогическомъ обществѣ, въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ педагогами, лично или письменно,—она не поглощала еще всей его энергіи. Въ немъ не умерла еще жилка ученаго, и онъ любилъ посѣщать университетскіе диспуты. Его живо интересовала философія, исторія, естествовѣдѣніе, особенно же успѣхи въ области анатоміи, гистологін и фізіологін челоуѣка. Но въ немъ продолжалъ жить также интересъ къ юридическимъ наукамъ и тѣмъ болѣе къ политической экономіи. Не далѣе какъ въ 1867 году онъ помѣстилъ въ «Голосѣ» прекрасную статью «О голодѣ въ Россіи», въ которой чувствуется недюжинный экономистъ, глубоко понимавшій въ ту пору интересы народной жизни и корни экономическаго благосостоянія государства.

Высоко цѣня науку, Ушинскій, присутствуя на университетскихъ диспутахъ, не стѣснялся говорить горькую правду и называть вещи дѣйствительными именами, если ему казалось, что добивающійся ученой степени не имѣетъ соотвѣтствующаго этому

научнаго ценза. Тутъ у него иногда происходили довольно горячія стычки съ патентованными учеными, причемъ нѣкоторые изъ нихъ очень косо смотрѣли на вторженіе Ушинскаго въ ученую область, хотя диспуты—публичный ученый турниръ, на которомъ каждый имѣлъ право слова. Вотъ на одномъ изъ диспутовъ у него вышло весьма неприятное столкновеніе.

Профессоръ Владиславлевъ (бывшій нѣсколько лѣтъ тому назадъ ректоромъ С.-Петербургскаго университета, нынѣ умершій) защищалъ свою диссертацию о философіи Плотина. Ушинскій, присутствовавшій на диспутѣ, также желалъ высказать свои замѣчанія. Ему пришлось говорить вторымъ послѣ оффиціальныхъ оппонентовъ, т. е. послѣднимъ. Когда онъ всталъ и направился къ тому мѣсту, гдѣ засѣдалъ совѣтъ историко-филологическаго факультета, намѣреваясь говорить, на встрѣчу ему поспѣшилъ предсѣдатель совѣта, т. е. деканъ факультета, г. Срезневскій. Показывая свои карманные часы, деканъ рѣзко добавилъ, что не можетъ позволить говорить ему болѣе пяти минутъ. Это поразило присутствовавшихъ и они зашикали. Ушинскій же, поклонившись декану, отвѣтилъ: «это—самая лучшая защита для докторанта»,—и вышелъ изъ аудиторіи. Вслѣдъ за нимъ направилась и почти вся присутствовавшая публика, выражая ему горячее сочувствіе. Профессоръ О. Ѳ. Миллеръ тутъ же заявилъ протестъ противъ поведенія декана, но это не помѣшало благополучному окончанію докторскаго диспута.

Это столкновеніе вызвало цѣлую бурю негодованія въ печати противъ самоуправства декана. Ушинскій же напечаталъ свои замѣчанія на диссертацию Владиславлева въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», Корша,—и это была поистинѣ пророческая оцѣнка Владиславлева, какъ ученаго.

Для характеристики разносторонности занятій Ушинскаго въ эту пору, надо добавить еще, что онъ постоянно слѣдилъ за ходомъ занятій своихъ дѣтей и руководилъ ихъ ученіемъ. Третій напри- мѣръ годъ «Родного Слова», отъ перваго урока до послѣдняго, былъ проштудированъ г. А. Фролковымъ съ двумя младшими сыновьями Ушинскаго, подъ непосредственнымъ его руководствомъ. «Самъ-же онъ,—какъ говоритъ г. Фролковъ,—не могъ давать уроковъ, и особенно своимъ дѣтямъ. Малѣйшее затрудненіе учащихся, малѣйшая ошибка съ ихъ стороны сильно раздражали его, и онъ уходилъ, не окончивъ урока».

Ушинскій, какъ натура цѣльная, недопускавшій разлада между словомъ и дѣломъ, ставя семью однимъ изъ главнѣйшихъ факторовъ

воспитанія, самъ былъ идеально-хорошимъ семьяниномъ, горячо любимымъ всѣми членами семьи, отъ мала до велика. Тѣ немногіе часы досуга, которые ему удавалось проводить въ кругу семьи, онъ называлъ самыми пріятными въ его жизни.

Положеніе Ушинскаго въ это время можно бы назвать завиднымъ. Не занимая никакого оффиціального поста, онъ былъ видимъ и слышимъ на всю Россію,—для всѣхъ лицъ, сколько нибудь интересующихся педагогическими вопросами. Матеріальное положеніе его было въ цвѣтущемъ состояніи, благодаря необычайному спросу на всѣ его изданія. Ни отъ кого не зависимый, совершенно самостоятельный въ выборѣ занятій и въ распоряженіи своимъ временемъ, онъ могъ бы назвать себя даже счастливымъ; но, къ сожалѣнію, для этого ему недоставало самаго главнаго—здоровья.

Вся жизнь его была исполнена разумной борьбы; вся его дѣятельность была употреблена на прокладываніе самостоятельныхъ путей. Такая трудная работа даромъ не дается,—и за успѣхъ пришлось заплатить здоровьемъ. Охваченный лихорадочною жаждою дѣятельности, онъ сдѣлалъ большую ошибку, засидѣвшись въ Петербургѣ съ 1867 до весны 1870 года, такъ какъ надорванная грудь его не выносила сырой петербургской осени и весны. Весною 1870 года онъ чувствовалъ себя такъ плохо, что вынужденъ былъ наконецъ отправиться за-границу, намѣреваясь проѣхать прямо въ Италію. Но въ Вѣнѣ онъ окончателно расхворался и пролежалъ около двухъ недѣль. Мѣстные медицинскія знаменитости посовѣтовали ему возвратиться въ Россію, ѣхать прямо въ Крымъ и лечиться кумысомъ.

Такъ онъ и сдѣлалъ, поселившись недалеко отъ Бахчисарая, въ имѣніи г. Варле, гдѣ было кумысо-лечебное заведеніе. Втеченіи мѣсяца силы его настолько возстановились, что онъ задумалъ подробно ознакомиться съ Крымомъ. Съ этою цѣлью онъ поѣхалъ на южный берегъ Крыма и въ Симферополь. Сюда онъ случайно прибылъ въ самый разгаръ сѣзда народныхъ учителей и былъ принятъ симферопольскимъ обществомъ съ такимъ почетомъ, который превосходилъ даже самыя смѣлыя его ожиданія. Ученіе въ народныхъ училищахъ было уже окончено, и Ушинскій, по предложенію мѣстнаго директора народныхъ училищъ, г. Соича, поѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ въ Бахчисарай, чтобы познакомиться съ татарскою школою (медресе), главнымъ образомъ—съ новымъ отдѣленіемъ ея—для обученія учениковъ медресе русскому языку. Здѣсь ему впервые пришлось видѣть на дѣлѣ практическое примѣненіе въ школѣ своего «Родного Слова» и притомъ вполне удачное. Взрослые ученики-татары, въ возрастѣ 20—35 лѣтъ, съ удовольствіемъ заяв-

ляли Ушинскому, что русское чтеніе и письмо дается имъ несравненно легче татарскаго; что въ библіотекѣ каждаго изъ нихъ обязательно есть первый годъ «Родного Слова», на ряду съ кораномъ и семью толкованіями его на арабскомъ языкѣ.

По возвращеніи изъ Бахчисарая, Ушинскій неоднократно посѣщалъ учительскій съѣздъ, принимая дѣятельное участіе въ его преніяхъ. Тутъ онъ проявилъ свое обаяніе, какъ педагога-руководителя, умѣющаго передать въ немногомъ многое, умно, авторитетно и доказательно поправить и направить другихъ,—и положительно очаровалъ присутствовавшихъ на съѣздѣ.

Когда стало извѣстно о днѣ отъѣзда Ушинскаго изъ Симферополя, не только участвовавшіе въ съѣздѣ, но и нѣкоторые изъ горожанъ, поклонниковъ и почитателей его педагогическаго таланта и трудовъ явились къ нему въ гостиницу, чтобы проститься и проводить его. Растроганный такимъ вниманіемъ, Ушинскій вмѣстѣ съ тѣмъ въ простой задушевной прощальной бесѣдѣ съ собравшимися еще разъ убѣдился, что кабинетные педагогическіе труды его нашли уже хорошее примѣненіе въ жизни. Обрадованный этимъ, онъ далъ горячее обѣщаніе присутствовавшимъ посвятить послѣдующую свою жизнь исключительно на пользу нарождавшагося у насъ народнаго образованія и выразилъ желаніе передѣлать свое «Родное Слово» спеціально для народной школы. Многіе изъ народныхъ учителей и нѣкоторые изъ постороннихъ провожали его за нѣсколько верстъ отъ Симферополя.

Много энергіи прибавило Ушинскому это искренное, безхитростное, безкорыстное выраженіе труженниками народнаго образованія уваженія и благодарности за педагогическіе его труды. Въ горячей душѣ его загорѣлись планы новыхъ педагогическихъ трудовъ. Вотъ что, на примѣръ, писалъ онъ около этого времени одному изъ близкихъ друзей своихъ въ Петербургѣ: «Написать книгу для народной школы составляетъ уже давно мою любимую мечту; но, кажется, ей и суждено остаться мечтою. Прежде мнѣ необходимо кончить «Антропологию», и потомъ только я сколько-нибудь примѣню «Родное Слово» къ потребностямъ сельской школы. Кромѣ того, у меня на душѣ еще первоначальная географія, какъ окончаніе «Родного Слова». Вотъ сколько дѣла, а гдѣ силы? И всего десатнѣе, что въ головѣ все это давно готово, такъ что три-четыре мѣсяца прежняго здоровья,—и я бы, кажется, все кончилъ».

Судьба послала ему даже и нѣкоторое улучшеніе здоровья. Прорѣхавъ изъ Симферополя въ Ялту и проживши здѣсь нѣсколько недѣль, онъ почувствовалъ значительное возстановленіе силъ. Встрѣ-

тившись въ Ялтѣ съ Н. И. Костомаровымъ, онъ припаялся горячо убѣждать его—взять на себя исполненіе той части третьяго года «Родного Слова», которая посвящена исторіи, т. е. иначе—написать отечественную исторію для дѣтей. По мнѣнію Ушинскаго, этотъ трудъ наиболѣе подходилъ Костомарову, какъ великому мастеру популяризировать историческія событія. Доводы были настолько убѣдительны, что Костомаровъ далъ свое согласіе въ принципѣ. Это очень обрадовало Ушинскаго, такъ какъ онъ вѣрилъ теперь въ осуществленіе своего «Родного Слова» въ той программѣ, какъ оно было задумано и изложено во II-ой части его «Руководства къ преподаванію по «Родному Слову».

Полный самыхъ лучшихъ надеждъ, бодрый духомъ и тѣломъ, покидалъ онъ Крымъ въ концѣ іюля 1870 года, въ расчетѣ на скорый возвратъ туда со вѣмъ своимъ семействомъ. Прекрасное вліяніе Крыма на состояніе здоровья заставило его приторговать небольшое помѣстье по сосѣдству съ Ялтой, для постоянного житья.

Съ такими расчетами и планами торопился онъ къ семьѣ, ожидавшей его въ имѣніи Богданкѣ, Черниговской губерніи, Новгородъ-Сѣверскаго уѣзда. Было и особое обстоятельство, торопившее его возвратъ къ семьѣ. Старшій сынъ его, Павелъ, только-что окончивъ курсъ во второй с.-петербургской военной гимназій, былъ назначенъ къ поступленію въ одно изъ высшихъ военныхъ учебныхъ заведеній и проводилъ лѣто съ семьей, въ деревнѣ. Юноша былъ прекрасно развитъ физически, умственно и нравственно, блестяще учился и вообще подавалъ большія надежды. Отецъ очень любилъ его, видѣлъ въ немъ опору семьи, въ случаѣ своей смерти—и это значительно ободряло его. Но онъ пріѣхалъ въ свою Богданку какъ разъ въ день похоронъ сына, по нечаянности смертельно ранившаго себя на охотѣ...

Это былъ слишкомъ ужъ жестокій ударъ, окончательно подломившій физическія и душевныя силы только что вернувагося домой отца. Оставаясь спокойнымъ по наружности, Ушинскій весь ушелъ въ себя, избѣгая даже разговоровъ со знакомыми. Чувствуя, что силы покидаютъ его, онъ очень сокрушался объ участи малолѣтнихъ своихъ дѣтей.

Осенью того же года онъ перевезъ семью въ Кіевъ, гдѣ помѣстилъ двухъ своихъ дочерей въ институтъ. Но жизнь въ Кіевѣ страшно тяготила его. «Хорошо-ли мнѣ въ Кіевѣ?»—писалъ онъ въ отвѣтъ на письмо одного изъ петербургскихъ своихъ друзей.—Увы, не хорошо. Душитъ глушью—и ничего близкаго сердцу; но думаю,

что для семьи моей будетъ лучше, чѣмъ гдѣ-нибудь. Обо мнѣ же думать нечего—моя пѣсня, кажется, окончательно уже спѣта».

Доктора въ это время усиленно торопили его въ Крымъ, куда онъ и сталъ собираться, но на этотъ разъ крайне неохотно. Въ это время до него дошелъ слухъ, что симферопольская учебная администрація получила строгое замѣчаніе и внушеніе за тотъ почетъ, который былъ оказанъ ему, главнымъ же образомъ—за допущеніе его къ участию въ сѣздѣ учителей. Это было послѣднею каплею горечи, переполнившюю его душу и отравившею тѣ воспоминанія и надежды, которыя у него связаны были съ Крымомъ. Онъ рвался въ Петербургъ, въ кругъ близкихъ друзей, которые могли бы его поддержать,—ему нужно было ощущеніе жизни.

«Худъ-ли, хорошъ-ли Петербургъ,—писалъ онъ въ это время одному изъ наиболѣе близкихъ друзей своихъ, Я. П. Пугачевскому,—но я съ нимъ сжился сердцемъ, въ немъ протекла самая существенная часть моей жизни: много пережито и горя, и радости и много проработано; тамъ я таскался безъ куска хлѣба, и тамъ-же составилъ состояніе; тамъ напрасно искалъ мѣста уѣзднаго учителя и бесѣдовалъ съ Царями; тамъ былъ невѣдомъ ни одной душѣ и тамъ приобрѣлъ себѣ имя—надѣюсь честное—и вотъ почему слеза наворачивается у меня на глаза, когда я вспоминаю Петербургъ и что, по всей вѣроятности, мнѣ уже болѣе не видать его».

Къ несчастью, предчувствіе это сбылось...

VIII.

Смерть и громкая слава.

Кончина Ушинскаго.—У гроба и могилы его.—Чествованіе памяти Ушинскаго повсемѣстно въ Россіи.—Имя Ушинскаго—какъ имя народное.—Тайна замѣчательнаго успѣха Ушинскаго.—Вина русскаго общества передъ памятью Ушинскаго.—Предстоящее двадцатипятилѣтіе со дня его смерти.

Крайне неохотно отправился Ушинскій въ Крымъ съ двумя своими младшими сыновьями. Въ дорогѣ онъ простудился, и, по прибытіи въ Одессу, у него открылось воспаленіе легкихъ. Онъ немедленно выписалъ изъ Кіева остальную свою семью, вполне сознавая, что пришелъ его конецъ.

21 декабря 1870 года, часа за четыре до смерти, онъ почувствовалъ сильное облегченіе и выразилъ прежде всего желаніе

одѣться во все чистое. Находясь прежде въ сидячемъ положеніи, пожелалъ лечь въ постель и попросилъ, чтобы какъ можно ярче освѣтили комнату. Когда это было исполнено, пожелалъ выслушать чтеніе «Ундины» Жуковскаго. По окончаніи чтенія, онъ позвалъ къ себѣ всѣхъ дѣтей и, по обыкновенію, помолился вмѣстѣ съ ними. Отпустивъ дѣтей, уснулъ... на вѣки, тихо, безъ агоніи, въ полномъ сознаніи.

Такъ преждевременно оборвалась эта плодотворная, труженическая жизнь, всего на 47 году отъ рожденія, когда педагогическій талантъ его вполнѣ окрѣпъ и окончательно установился, когда душа его была переполнена прекрасными, широкими замыслами о добавленіи новаго и новаго къ тому, что было уже сдѣлано имъ, на пользу разумной русской школы, русскихъ педагоговъ, русскихъ женщинъ и всѣхъ вообще дѣтей разныхъ сословія, классовъ и состояній.

Такова ужъ судьба всѣхъ вообще даровитыхъ русскихъ людей, что, опережая общество, имъ приходится брать съ бою каждый свой успѣхъ въ жизни. Особенно тяжела и даже рискована участь такихъ новаторовъ, какъ Ушинскій, которымъ приходится изо дня въ день, такъ сказать, *перегорать* душою, такъ какъ на ихъ пути преграды и препятствія являются буквально на каждомъ шагу. Тутъ труднѣе, чѣмъ во всякой другой области, идти неуклонно по разѣ избранной дорогѣ, не потерять любви и вѣры въ дѣло, не озлобиться, не разочароваться.

Серьезно вникая въ обстоятельства и условія педагогической дѣятельности Ушинскаго, нельзя не признать, что они мало чѣмъ отличаются въ сущности отъ тѣхъ условій, при которыхъ работалъ замѣчательный предшественникъ его, Е. О. Гугель, бывшій инспекторомъ Гатчинскаго института, кончившій такъ печально свою жизнь. И если Ушинскій добился успѣха, то это стоило ему чуть не половины вѣка, на который онъ могъ рассчитывать по своей замѣчательно воздержной, аккуратной жизни.

Это надо бы помнить и знать русскимъ людямъ, чтобы достойно цѣнить заслуги своихъ великихъ работниковъ.

Въ Одессѣ, гдѣ умеръ Ушинскій, у него не было буквально ни одной души знакомой; но за то его, если не лично, то по трудамъ и дѣятельности, хорошо зналъ весь одесскій педагогическій міръ, вся мыслящая Одесса. И едва по городу распространилась вѣсть о смерти Ушинскаго, какъ около гроба его собралась обширная педагогическая семья. Вдову и дѣтей покойнаго окружили самыми нѣж-

ными заботами, совершенно освободивъ ихъ отъ всякихъ хлопотъ по отпѣванію и перевозкѣ тѣла въ Кіевъ, въ Выдубицкій монастырь, для погребенія. Это вниманіе разноплеменной, разноязычной Одессы, города, можно сказать, космополитическаго, очень выразительно охарактеризовано въ рѣчи, сказанной въ одесскомъ кафедральномъ соборѣ профессоромъ богословія, протоіереемъ М. Павловскимъ, при выноскѣ тѣла покойнаго на станцію желѣзной дороги, для отправленія въ Кіевъ.

«Вотъ тотъ гробъ, передъ которымъ съ любовію преклонятся и съ благодарностью помолются многіе и многіе въ Россіи,—говорилъ о. М. Павловскій:—преклонится и помолится дитя и возрастный, ученикъ и учитель, мать и ея дѣти, начинающій изучать великое дѣло воспитанія и глубоко изучившій множество системъ воспитанія. Вотъ тотъ труженикъ, котораго такъ долго ждали русская школа и семья, который книгами своими облегчилъ и сдѣлалъ изъ горькаго сладкимъ ученіе для дитяти и для его учителя; который связалъ матерей съ ихъ дѣтьми крѣпкими и святыми узами воспитанія; который прочиталъ незабвенные уроки обученія и воспитанія всѣмъ воспитывающимъ и пишущимъ о воспитаніи. Вотъ тотъ дивный знакомецъ, котораго, никогда не видавши, знаешь, чтить и любишь,—знаешь по его книгамъ, наполнившимъ училища и семьи, чтить за тѣ разнообразныя таланты, которыми такъ щедро награжденъ былъ и изъ которыхъ ни одного не скрылъ онъ въ землѣ; за тѣ многостороннія и глубокія познанія, которыя черпалъ онъ изъ себя самого, изъ своей природы и изъ образованныхъ странъ Европы; любишь за ту всегда живую любовь и за то неустанное терпѣніе, съ которыми онъ одинаково писалъ и азбуку для дѣтей, и глубокое по взглядамъ и многостороннее по познаніямъ сочиненіе свое о человѣкѣ, какъ предметъ воспитанія;—любишь за ту новостъ взгляда на воспитаніе, истинность котораго почувствовали всѣ, когда прочли, но которую высказалъ онъ первый,—ту новостъ, что «чѣмъ меньше возрастъ учениковъ, надъ образованіемъ которыхъ трудится воспитатель, тѣмъ больше требуется отъ него педагогическихъ познаній». Любишь его за его «Дѣтскій Міръ», въ которомъ онъ такъ легко и такъ увлекательно знакомитъ дѣтей съ ними самими и съ окружающею природою;—за его «Родное Слово», по которому русскія дѣти начали изучать и съ любовью изучаютъ родную русскую жизнь во всемъ богатствѣ русскаго языка и во всемъ разнообразіи народныхъ поэтическихъ формъ. Вотъ почему и въ нашей разноплеменной и разноязычной Одессѣ, въ которой Провидѣніе указало кончину незабвенному Ушинскому, его гробъ окру-

жается такою искреннею любовью и молитвой: цѣну воспитателю русскихъ дѣтей и воспитателей—Одесса чувствуетъ если не болѣе, то ни въ какомъ случаѣ не менѣе другихъ городовъ Россіи. Съ миромъ и благословеніемъ отпускаемъ тебя въ путь твой, доблестный труженикъ, до конца жизни свято служившій святому дѣлу воспитанія».

Дѣйствительно, для разноплеменной и разноязычной Одессы фактъ очень знаменательный, что отпѣваніе Ушинскаго въ соборѣ и грандіозные проводы отъ собора до желѣзнодорожной станціи («Куликово поле») было дѣломъ народныхъ учителей, воспитанниковъ педагогическихъ курсовъ и учащихся въ одесскихъ народныхъ школахъ. Это свидѣтельствовало о большомъ самосознаніи народныхъ педагоговъ. Какъ ни прискорбна была преждевременная кончина Ушинскаго, но чествованіе памяти его въ Одессѣ ясно доказывало, что труды его успѣли уже въ 1870 году принести большіе и осязательные результаты, вызвавъ значительный подъемъ духа въ средѣ народныхъ педагоговъ, осмысливъ ихъ задачи и цѣли, общественное положеніе и роль въ собственныхъ ихъ глазахъ. Это впрочемъ особенно ярко сказалось въ горячей рѣчи учителя одного изъ одесскихъ народныхъ училищъ, г. Росикова, произнесенной имъ на станціи желѣзной дороги, при разставаніи съ тѣломъ Ушинскаго. Вотъ что между прочимъ говорилъ г. Росиковъ:

«Замолчите всѣ, считающіе дѣло начальнаго воспитанія дѣломъ маловажнымъ, дѣломъ, нестоющимъ серьезнаго вниманія; замолчите и проникнитесь глубокимъ уваженіемъ къ дѣлу воспитанія, ибо есть люди, полагающіе жизнь свою за это дѣло. Вотъ гробъ человѣка, который всю жизнь свою принесъ на пользу своихъ соотечественниковъ. Вотъ останки труженика, предпринявшаго громаднѣйшій трудъ: собрать мнѣнія о воспитаніи, высказанныя великими мыслителями въ продолженіи многихъ вѣковъ и изъ этихъ разнорѣчивыхъ теорій и философскихъ взглядовъ выработать послѣднее слово науки о воспитаніи духовной и физической природы человѣка, составить руководство, необходимое для всѣхъ, кто посвятилъ себя воспитанію русскаго юношества. Этимъ трудомъ онъ желалъ положить конецъ тому жалкому обученію и воспитанію, какому подвергаются дѣти въ школахъ, руководимыхъ непризванными и неподготовленными педагогами»...

«Горе наше велико. На долю нашу выпалъ жребій не привѣтствовать, но провожать въ невозвратный путь всѣми нами любимаго ученаго. Вспомнимъ же, на прощаньи съ гробомъ симъ, и сохранимъ въ сердцахъ нашихъ все то, что говорилъ и завѣщалъ намъ по-

чившій въ этомъ гробѣ. Онъ говорилъ: «Неправильное воспитаніе тяжело отзывается во всей жизни человѣка, есть главная причина зла въ народѣ, и отвѣтственность за это падаетъ прямо на воспитателей». Онъ говорилъ, что для разумнаго воспитанія недостаточно одного терпѣнія и любви къ дѣтямъ, но необходимо при этомъ изучить и знать ихъ природу. Воспитаніе дѣтей онъ считалъ великимъ, святымъ дѣломъ и требовалъ, чтобы къ нему относились серьезно. Онъ сказалъ: «Преступникъ, убійца тотъ, кто берется за воспитаніе, не зная его».

«Пусть же, сотоварищи, гробъ этотъ пробудитъ въ насъ сознание святости долга, которому мы служимъ; пусть онъ напомнитъ намъ, что на поприщѣ воспитанія мы должны имѣть цѣлью—благо ближняго. Дадимъ обѣщаніе глубже ознакомиться съ мыслями этого благонамѣреннаго и честнаго труженика. И если каждый изъ насъ сдѣлаетъ хоть сотую долю того, что сдѣлалъ онъ, то уже много сдѣлаетъ. Прости-же, отецъ разумной русской школы, другъ дѣтей и славный педагогъ. Вѣчная память тебѣ, дѣлавшему дѣло для дѣла и трудившемуся для труда! Имя твое будетъ жить въ сердцахъ нашихъ и въ сердцахъ дѣтей, для блага которыхъ ты не щадилъ своей жизни».

Такая же дружная педагогическая семья, искренно проникнутая горемъ, собралась и въ Кіевѣ, для встрѣчи и погребенія останковъ Ушинскаго. Такою же неподдѣльною скорбью и задушевностью были проникнуты рѣчи, при опусканіи гроба его въ могилу.

Но не Одесса только и Кіевъ чествовали скончавшагося Ушинскаго: заглянувъ въ столичныя и провинціальныя газеты за первые мѣсяцы 1871 года, не трудно убѣдиться, что въ этой скорби принимала участіе вся мыслящая часть Россіи. Интеллигентная часть губернскихъ и многихъ уѣздныхъ городовъ, принадлежащая и не принадлежащая къ педагогической средѣ, по собственному почину служила панихиды по Ушинскомъ. Особенно сильно чувствовали эту утрату учебныя заведенія, специально занимающіяся приготовленіемъ учителей и очень ясно отѣнившія въ своихъ чествованіяхъ памяти Ушинскаго, что они считаютъ его главнымъ своимъ учителемъ и руководителемъ. Наиболѣе ярко освѣтилъ эту мысль законоучитель Кубанской учительской семинаріи, О. І. Стась, въ рѣчи, сказанной имъ 8 марта 1871 года, на панихидѣ по Ушинскомъ. Напомнивъ, что религія предписываетъ «помянуть своихъ наставниковъ», законоучитель продолжалъ:

«Помня этотъ долгъ, мы, воспитатели ваши, пригласили васъ,

будущихъ учителей народа, помолитесь вмѣстѣ съ нами о вѣчномъ упокоеніи души одного изъ величайшихъ русскихъ педагоговъ, К. Д. Ушинскаго, недавно скончавшагося. Вамъ, начинающимъ только приготовляться къ дѣлу народнаго образованія, неизвѣстно, быть можетъ, это имя, но вы скоро узнаете его по его сочиненіямъ; а эти сочиненія такого рода, безъ которыхъ вы шагу не можете сдѣлать въ народной школѣ, которыя переживутъ и насъ, и васъ, а быть можетъ, и внуковъ вашихъ. Когда вы изучите эти сочиненія, познакомитесь съ жизнью человѣка, трудившагося надъ ними, вы полюбите этого человѣка отъ всей души, отъ всего сердца, и не разъ, быть можетъ, поникните мыслью... не разъ призадумаетесь надъ судьбою русскаго педагога, русскаго просвѣщенія, русской мысли; не разъ вы увлечетесь мыслью этого человѣка, его духомъ».

Какъ ни выразительно, въ общемъ, это повсемѣстное чувствованіе памяти Ушинскаго, но есть еще и нѣчто другое, ставящее Ушинскаго совершенно въ исключительное положеніе, въ ряду всѣхъ другихъ русскихъ дѣятелей. Едва-ли найдется другой русскій дѣятель, смерть котораго почувствовалась бы такъ горячо и глубоко даже въ самыхъ глухихъ провинціальныхъ закоулкахъ, куда только судьба забросила развитого священника, образованнаго сельскаго учителя и образованную русскую женщину. Тамъ, въ этой дикой житейской глуши, свѣтъ и тепло таланта Ушинскаго особенно сильно чувствовались и наиболѣе цѣнились. И въ этихъ провинціальныхъ захолустьяхъ, по поводу смерти Ушинскаго, не мало уронено горячихъ слезъ благодарности и за осушеніе безвинно лившихся прежде горькихъ дѣтскихъ слезъ, и за возвышеніе роли учителя, и за облагороженіе положенія женщины...

Тѣ обстоятельства, при которыхъ умеръ Ушинскій, т. е. оставаясь внѣ всякаго оффиціальнаго педагогическаго положенія, свободнымъ, независимымъ, способствовали еще большему возвышенію его нравственной личности, закрѣпленію его ученія въ сознаніи общества и упроченію его славы.

Смерть его дала сильный толчокъ всему изданному имъ. Даже таковой серьезный трудъ, какъ двухтомная «Педагогическая Антропологія», всего черезъ десять лѣтъ послѣ смерти Ушинскаго, въ 1881 году, вышла уже *пятымъ* изданіемъ. Еще болѣе удивительно распространеніе его учебныхъ книгъ. Въ 1891 году, т. е. черезъ 30 лѣтъ послѣ выхода въ свѣтъ перваго изданія «Дѣтскаго Міра», онъ вышелъ *двадцать седьмымъ* изданіемъ, т. е. почти по одному изданію въ годъ. Успѣхъ же «Родного Слова» по истинѣ поразителенъ,

даже безпримѣренъ на міровомъ книжномъ рынкѣ. Въ 1892 году, т. е. черезъ 25 лѣтъ послѣ выхода въ свѣтъ перваго изданія «Родного Слова», оно вышло *девяносто девятымъ* изданіемъ, т. е. почти по четыре изданія въ годъ.

Въ общей же сложности сочиненія Ушинскаго разошлись въ разныхъ классахъ и слояхъ русскаго населенія въ милліонахъ книгъ, изъ которыхъ громадное большинство приходится конечно на низшіе, бѣднѣйшіе слои населенія и притомъ исключительно—на школьный контингентъ.

Иначе говоря, это означаетъ, что на сочиненіяхъ Ушинскаго воспитался уже длинный рядъ школьныхъ поколѣній и въ томъ числѣ—цѣлый рядъ народныхъ учителей. Поэтому съ увѣренностью можно сказать, что имя Ушинскаго есть имя *народное*.

Такому распространенію сочиненій Ушинскаго, такой популярности его имени можно только радоваться. Онъ въ свое время заботливо искалъ «человѣка, на котораго съ гордостью можно бы указать нашимъ дѣтямъ и внукамъ, и по безупречной дорогѣ котораго можно бы вести смѣло наши поколѣнія». Именно самъ Ушинскій является однимъ изъ такихъ людей, съ его чистою, идеально безупречною жизнью и славною дѣятельностью.

«Пусть наша молодежь смотритъ на этотъ образъ,—скажемъ мы словами Ушинскаго,—и будущность нашего отечества будетъ обезпечена».

Вся педагогическая дѣятельность Ушинскаго непрерывно продолжалась лишь около 15 лѣтъ (съ 1855 по 1870 г.). Изъ нихъ семь лѣтъ приходятся на собственно служебную дѣятельность (съ 1855 по 1862 г.) и остальные восемь лѣтъ—на литературно-педагогическую дѣятельность. И въ этотъ-то незначительный промежутокъ времени онъ принесъ такую громадную пользу всему отечественному школьному дѣлу и на вѣчныя времена составилъ себѣ почетное имя.

Въ чемъ же тайна такого замѣчательнаго успѣха? Что придавало главнымъ образомъ вліяніе Ушинскому?

Примѣръ Ушинскаго прежде всего доказываетъ, какое обширное, разностороннее образованіе необходимо человѣку, желающему съ честью и славой подвизаться на педагогическомъ поприщѣ. Да кромѣ этого необходимы еще и высокія нравственныя качества, которыми несомнѣнно обладалъ Ушинскій. Это былъ идеалистъ самой высокой пробы, фанатикъ гуманности, научности и справедливости, не обманывавшій ни себя, ни другихъ какими бы то ни было

компромиссами. Онъ признавалъ только то, слѣдовалъ только тому, что вполнѣ отвѣчало его идеаламъ, строго продуманнымъ и сросшимся съ его нравственнымъ я. Все же другое онъ рѣзко и рѣшительно отвергалъ, чего бы это ни стоило ему. Горячо любя отечество, желая ему лучшаго будущаго и понимая силу воспитанія не въ формальномъ, а въ нравственномъ его значеніи, онъ сконцентрировалъ всѣ свои идеалы и стремленія въ одну всеобъемлющую педагогическую идею, которою смѣло и удачно охватилъ семью и школу, малолѣтокъ и взрослыхъ, учащихся и учащихся, условія и потребности первоначальнаго образованія и требованія воспитывающаго образованія вообще.

Вотъ между прочимъ какъ самъ писалъ Ушинскій объ этой его «педагогической идеѣ» и ея значеніи въ жизни. «У насъ—говорить онъ въ частномъ письмѣ—прежде всего не достаетъ педагогической идеи, изъ которой, какъ изъ здороваго корня, могли бы развиваться всѣ педагогическія улучшенія; а плодотворная педагогическая идея можетъ быть развиваема на прочныхъ основаніяхъ науки только въ университетахъ. Вѣковой традиціи, которая главнымъ образомъ ведетъ дѣло на Западѣ, у насъ нѣтъ, да и идеи, основанной на общественномъ сознаніи, также нѣтъ; а потому, безъ особыхъ университетскихъ кафедръ антропологии и даже особыхъ педагогическихъ факультетовъ съ философскою подкладкой, рѣшительно невозможно образованіе у насъ, въ настоящее время, дѣйствительно хорошихъ учительскихъ семинарій, хотя и желательно пока, по крайней мѣрѣ, учрежденіе особыхъ школъ для дрессировки въ педагогической практикѣ, — ремеслѣ, въ сущности не хитромъ. Этой философско-педагогической идеи наши университеты, какъ извѣстно, не выработали, и для педагогической литературы ничего не дали до настоящаго времени; въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ нашихъ тоже мало дается матеріала для пытливой мысли и склонности къ самостоятельному занятію науками гуманными, какъ литература, исторія и особенно философія».

Понимая всю неблагоприятность условій для педагогическихъ улучшеній, Ушинскій тѣмъ настойчивѣе и энергичнѣе прилагалъ всѣ свои усилія для проведенія въ жизнь основаній научной педагогіи разными путями—въ печати, педагогическомъ обществѣ и посредствомъ сочиненій. И, наперекоръ неблагоприятнымъ обстоятельствамъ, идея восторжествовала надъ вѣками сложившейся рутинной. Ушинскій былъ настолько счастливъ, что еще при жизни видѣлъ несомнѣнное торжество впервые насажденной имъ у насъ научной педагогіи надъ тупой, бездушной, механической выучкой

и выправкой, не могшей имѣть должнаго воспитательнаго вліянія. Его глубокая, непоколебимая вѣра въ силу и жизненность идеи оправдалась самымъ блистательнымъ образомъ.

Если оглянуться на всю нашу литературу, обнимающую кругъ элементарнаго образованія со времени смерти Ушинскаго, то во всѣхъ трудахъ нашихъ лучшихъ педагогическихъ писателей, въ составленіи учебныхъ пособій и руководствъ—ясно видно сильное вліяніе научной педагогіи, впервые насажденной у насъ Ушинскимъ. Несомнѣнно, это значительный успѣхъ въ нашемъ школьномъ дѣлѣ; но останавливаться на этомъ, ограничиваться только этимъ успѣхомъ—значитъ сдѣлать слишкомъ плохое употребленіе изъ того драгоцѣннаго наслѣдства, которое оставилъ намъ Ушинскій.

Тѣ основы научной педагогіи, надъ выработкою которыхъ трудился Ушинскій, имѣютъ отношеніе вовсе не къ одному только начальному образованію, а къ школьному дѣлу вообще,—къ всей государственной системѣ образованія подрастающихъ поколѣній обоихъ половъ. Если самъ Ушинскій, по спѣшности и новизнѣ дѣла народнаго образованія у насъ, старался примѣнить выработанныя имъ начала рациональной педагогіи прежде всего къ начальному образованію, то это еще ни въ какомъ случаѣ не доказываетъ, будто примѣненіе научной педагогіи должно ограничиться только этимъ.

Но, къ величайшему сожалѣнію, рациональныя педагогическія основанія почти не получили у насъ никакого распространенія на систему средняго образованія, остающагося, можно сказать, въ до-реформенномъ состояніи. Родной языкъ не имѣетъ того почетнаго, главенствующаго значенія въ дѣлѣ воспитанія и обученія нашего юношества, какое принадлежитъ ему по праву. Это тѣмъ болѣе обидно, что идея о значеніи роднаго языка, высказанная въ Швеціи лѣтъ на 20 позже, чѣмъ у насъ Ушинскимъ, получила уже полное практическое примѣненіе во всѣхъ скандинавскихъ среднеучебныхъ заведеніяхъ и начинаетъ вызывать подражаніе и въ другихъ западно-европейскихъ государствахъ. Составъ и объемъ программъ нашихъ среднеучебныхъ заведеній, распредѣленіе предметовъ по классамъ, планы, методы и приемы преподаванія—все это, въ отдѣльности и совокупности, слишкомъ мало рассчитано на возбужденіе любознательности и пытливости учащихся, на ихъ самостоятельность. Вслѣдствіе этого ученіе обращается въ трудъ подневольный и лишается того животворнаго, воспитательнаго значенія, которое оно можетъ и должно имѣть, при условіи той постановки, которая соотвѣтствовала бы основаніямъ и требованіямъ научной

педагогіи. Вотъ поэтому-то главнымъ образомъ, выпуская въ жизнь съ каждымъ годомъ все большее и большее количество специалистовъ по разнымъ отраслямъ знанія, мы по прежнему ощущаемъ все тотъ же недостатокъ въ «людяхъ», какъ и въ ту пору, когда только-что выступилъ на педагогическое поприще Ушинскій, — ощущаемъ даже въ болѣе острой формѣ, чѣмъ тогда, потому что теперь сложнѣе и настойчивѣе потребности жизни.

Это — неизбѣжная кара за тяжкую вину всей мыслящей части русскаго общества передъ великою памятью Ушинскаго и его за-слугами на пользу всего отечества. Съ тѣмъ богатымъ, незамѣнимымъ наслѣдіемъ, которое онъ создалъ цѣною собственной жизни на пользу родины, мы поступили, въ сущности, какъ «рабъ лукавый и лѣнивый», зарывъ его въ землю.

Если сравнить то время, когда умеръ Ушинскій, съ нынѣшнимъ, мы будемъ поражены необычнымъ застоємъ во всей педагогической области. Ни одной свѣжей мысли, ни одного живого слова. Если что и подвернется подъ руку по части общепедагогическихъ вопросовъ, — такъ это, въ сущности, пересказъ того, что было дано Ушинскимъ, въ большинствѣ случаевъ даже плохой пересказъ, съ переименованіями, на почвѣ узко-учебной техники, а не на физико-психологическихъ основаніяхъ. Самая роль педагоговъ совершенно ступевалась въ глазахъ общества.

Мы имѣемъ дѣло съ той самой «педагогической летаргіей», на борьбу съ которой такъ мужественно выступилъ Ушинскій во второй половинѣ 50-хъ годовъ, не переставая будить и педагоговъ, и общество до конца своей жизни. Повтореніе же этой летаргіи служить доказательствомъ, что Ушинскій былъ у насъ не только первымъ, но и единственнымъ представителемъ научной педагогіи. Онъ вдохнулъ было живую душу въ наше рутинное школьное дѣло и указалъ ему надежный путь къ славному и безконечному развитію и усовершенствованію на пользу общую. Но не нашлось достойныхъ продолжателей, и дѣло разностороннихъ улучшеній въ учебно-воспитательной области ждетъ своей очереди.

Симптомъ весьма опасный. Ушинскій говорилъ и писалъ, что «каждая школа, каждый педагогъ неизбѣжно выполняетъ одну изъ двухъ функцій: или они готовятъ счастье своей странѣ, или несчастье». Вѣрная и мудрая формула эта невольно заставляетъ задуматься.

Если мы на протяженіи почти четверти вѣка уже со времени смерти Ушинскаго все еще не имѣемъ достойныхъ продолжателей великой творческой его педагогической дѣятельности, то это слу-

жить лишь нагляднымъ доказательствомъ вѣрности высказаннаго имъ положенія, что «плодотворная педагогическая идея можетъ быть развиваема на прочныхъ основаніяхъ науки только въ университетахъ». Положеніе это никѣмъ никогда не оспаривалось. Втеченіи перваго десятилѣтія со времени смерти Ушинскаго объ этомъ положеніи его довольно часто вспоминали въ печати, но потомъ какъ бы совсѣмъ забыли. Нынѣшній застой во всей вообще педагогической области самъ собою указываетъ на настоятельную необходимость помощи со стороны университетовъ педагогическому дѣлу,—на необходимость учрежденія «особыхъ университетскихъ кафедръ антропологии» и «особыхъ педагогическихъ факультетовъ съ философской подкладкой».

Возникновеніе такихъ кафедръ и факультетовъ было бы достойною данью уваженія къ памяти Ушинскаго, въ виду истеченія 21 декабря 1895 года ровно четверти вѣка со дня его кончины. Если при жизни Ушинскаго такъ сильно ощущалась необходимость въ этихъ учрежденіяхъ, то конечно же втеченіи четвертивѣковой давности она могла только возрасти. Дѣйствительно, по всѣмъ условіямъ внутренней нашей жизни, внѣ учрежденія университетскихъ кафедръ и факультетовъ по педагогикѣ, невозможно положить предѣла произволу и ремесленничеству въ области воспитанія и обученія.

Въ настоящее время, какъ извѣстно, мы имѣемъ университетскія кафедры даже по сельскому хозяйству и географіи. Тѣмъ болѣе, значитъ, основаній не откладывать учрежденія кафедръ по педагогикѣ, согласно завѣту Ушинскаго.

1907
мз